

Анатолий Чупринский

НЕЖНОСТЬ НЕФЕРТИТИ
ироническая повесть

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

НЕЖНОСТЬ НЕФЕРТИТИ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. - с 99.

Фараон Эхнатон остался в памяти человечества, как первый правитель реформатор-пацифист. Его жена, царица Нефертити, как самая красивая женщина Древнего мира. Они правили Египтом с 1375 по 1360 годы до нашей эры. А история их любви и жизни трогает и волнует нас до сих пор, особенно, когда она рассказана живым и увлекательным языком, равно интересным как взрослым, так и подростковым читателям.

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

Иннокентий Анненский

...Наследница трона египетских фараонов Нефerti была дурнушкой. Большой рот с загнутыми вверх уголками губ, слегка выпученные огромные зеленые глаза и ярко-оранжевые веснушки по всему лицу. Те, кто помнил родителей Неф, говорил, что ничего такого ни у отца, ни у матери не было. Ни большого рта, ни выпученных глаз, ни тем более веснушек.

Неф очень страдала от своей внешности. Она давно смирилась с тем, что дети дразнят ее «лягушкой» и не играла ни с кем.

Единственным другом, которому она доверяла свои тайны, был лягушонок, живший в луже за павильоном в большом саду. Такой же пучеглазый и большеротый, как она.

— Братик мой! — шептала Неф каждое утро, наклонившись над лужей. — Доброе утро!

Иногда лягушонок отвечал. Открывал свой некрасивый рот и радостно квакал. Чаще ничего не говорил. Просто грустно смотрел на нее из лужи своими огромными глазищами. Вчера Неф услышала от своих служанок очень интересную вещь. Сколько раз по весне лягушка в пруду квакнет, столько лет тебе жить на свете. Сегодня она решила это проверить.

— Братик! — оглянувшись по сторонам, прошептала Неф. — Сколько лет я проживу на свете?

Лягушонок с готовностью начал квакать. Неф, трогая мизинцем пальцы на руках и ногах, сосредоточенно считала. Когда пальцы на руках и ногах кончились, Неф растерялась. По ее понятиям все, что больше двадцати, было уже вечностью.

Самое фантастическое, лягушонок проквакал ровно двадцать девять раз. Именно столько лет прожила в том далеком, прекрасном и яростном мире наследница трона египетских фараонов Нефертити.

Но чаще всего Неф ни о чем не спрашивала. Просто подставляла ладонки и лягушонок, выбравшись из лужи, с готовностью прыгал ей в руки. Неф подробно рассказывала ему обо всех событиях прошедшего дня, делилась планами на будущее. А планов у нее было великое множество. Лягушонок слушал внимательно.

Наследнице трона фараонов было четыре с половиной года.

Родители Неф, прежние правители Египта, едва успев вступить на трон, совсем молодыми погибли при загадочных обстоятельствах. Об этом было запрещено говорить вслух, но все жители Фив прекрасно знали, верховные жрецы приложили к этому свои грязные лапы. По их замыслу должна была погибнуть и сама Неф. Но ее спас Эйе, главный начальник конницы всего Египта.

Эйе был могучим человеком. Могучим и красивым. На две головы выше любого, самого рослого сановника в Фивах. На боку всегда носил огромный серповидный

меч. Мог на спор одной рукой поднять над головой лошадь. Настоящий египтянин.

Жители Фив еще долго шепотом рассказывали друг другу в торговых рядах и просто на перекрестках о той жуткой, кровавой резне, случившейся в Главном храме четыре года тому назад...

Говорили, Эйе успел только схватить Неф и посадить ее себе на плечо. Другой рукой он разил всех направо и налево своим длинным мечом. Так и вырвался из храма, с Неф на плече, и ускакал на своей колеснице. Только его и видели. Он принес Неф в свой огромный дом и приказал удвоить охрану. С тех самых пор кормилицей Неф стала жена Эйе, красавица Крикла.

Говорили, на следующий день верховные жрецы позвали его в свой Главный храм. Но Эйе приехал не один, а с целым отрядом воинов. За ночь слуги успели убрать трупы и смыть всю кровь со стен и колонн. Будто ничего вчера и не было.

Главный жрец сказал Эйе что-то такое, отчего Эйе зарычал, как лев. Схватил Главного жреца, поднял в воздух и несколько раз ударил спиной о колонну. Будто, та даже треснула в нескольких местах.

Говорили, у Главного жреца из носа и горла пошла кровь. Он плевался кровью в сторону Эйе и кричал:

— Боги тебя покарают, безбожник! Ты уже труп!

А Эйе, стоя в окружении своих воинов, говорил:

— Запомни, старый пень! Мой меч отточен с двух сторон! С одной стороны для врагов внешних, с другой для врагов внутренних!

— Бойся гнева Богов, безбожник! — продолжал кричать Главный жрец, — Тебя покарают! Ох, ка-ак покарают!

Уже собираясь уходить, Эйе остановился и через плечо добавил:

— И еще запомни! Если хоть одна слезинка упадет из глаз лягушонка, я вернусь и отрублю тебе башку! С одного удара!

Главный жрец продолжал вырываться из рук многочисленных слуг, плевался кровью в сторону Эйе и сверкал глазами.

— Ох, ка-ак покарают тебя Боги-и!

— Выдолби себе клинописью на лысине, старый пень, если Боги против лягушонка, то я, Эйе, против Богов!

Больше Эйе ничего не сказал. Повернулся и в сопровождении воинов вышел из храма. А Главный жрец еще долго охал, ахал, плевался кровью и грозил всяческими карами небесными Главному начальнику конницы всего Египта...

Обо всем этом жители Фив очень любили поговорить. Хотя это и было категорически запрещено. Но ведь всем рты глиной не залепишь. Жители Фив восхищались поступком Эйе. И явно недолюбливали жрецов. Богов любили и боялись, жрецов недолюбливали. Разговоры в торговых рядах и на перекрестках города всегда заканчивались одной и той же фразой.

— Умом Египет не понять! — говорил обычно кто-нибудь из собеседников. Остальные, соглашаясь, кивали головами. После этого жители расходились по своим делам.

Ничего этого Неф не помнила. И не могла помнить. В те времена ей не было еще и года. Своих родителей она не знала.

Начальник конницы Эйе был не только высоким и сильным. Он был еще и очень богатым. Входил в пятерку самых богатых и влиятельных сановников Египта.

Поместье Эйе располагалось на южной окраине Фив и занимало несколько гектаров. Никто не знал, сколько именно. Никому бы и в голову не пришло измерять его владения. Знали только, его земли начинались у самого Нила, тянулись вдоль столицы широкой полосой, захватывая даже отдельные пригороды, и дальше терялись где-то там, в песчаных барханах, которые неожиданно возникали уже за густым лесом, за островками колючего кустарника.

В самом центре стоял огромный дом с лестницами и колоннами у центрального входа. Со всех сторон к нему, словно ручейки, стекались дорожки, вымощенные плитами известняка. По бокам дома ряды пирамидальных сосен. Со стороны улицы и соседа, такого же богатого и влиятельного сановника, главного зодчего Пареннефера, участок был обнесен глиняной стеной.

Еще при строительстве зодчий Пареннефер, проектирующий для Эйе этот дом, хватался за голову.

— Зачем такая роскошь?! Этот дом тебе обойдется в половину твоего состояния!

— Надеюсь, не меньше! — улыбался Эйе. Он во всем любил размах и роскошь.

Справа располагались еще несколько домов и построек. Слева бесконечные ряды конюшен со стойлами

для лошадей, мастерскими для колесниц, складами для фуража. Еще дальше на небольшой горке стояла кузница. Оттуда постоянно доносился стук молотков.

Сразу за большим домом шли бесконечные фруктовые сады. В садах, там и там, возникали легкие изящные беседки, небольшие пруды с диковинными рыбами и колодцы для полива.

Центральную часть основного дома занимал приемный зал. Расписной потолок в нем поддерживали четыре высокие колонны. Маленькие окна с решетками под самым потолком, чтоб было не так жарко летом. За приемным залом, скрытые легкими занавесками, были спальни Эйе и Криклы. Между ними умывальни и даже небольшая купальня. На крышу дома вела деревянная лестница. Там, под легкими навесами, Эйе чаще всего обедал. Там же, знойными вечерами, устраивал за большим столом пышные застолья для многочисленных друзей.

У Неф было одно любимое место. Маленькая беседка у пруда.

Неф уже давно любила Эйе. У них даже были тайные свидания. Раз или два в месяц. После обеда. Разумеется, в маленькой беседке.

Эйе всегда сопровождали два воина. Таких же могучих, как и сам Эйе. Обычно они стояли справа и слева от входа и ни на миг не выпускали его из вида. Однажды Неф подошла к ним и, потрогав одного за длинное копьё, вежливо поинтересовалась:

— Скажите, почему крокодилы не летают?

Этот вопрос давно интересовал Неф.

Воины, как по команде, скосили глаза сначала на нее, потом друг на друга и ничего не ответили.

— А кто сильнее, слон или бегемот? — продолжала Неф.

Воины опять ничего не ответили. Неф еще некоторое время погуляла между ними, как между колоннами, и пошла на свидание с Эйе.

Беседка стояла справа от центральных ворот на берегу старого, заросшего тиной пруда. Четыре скамейки напротив друг друга, четыре колонны, увитые густым плющом. Очень удобное место. Из беседки все вокруг видно, а что внутри со стороны не разглядеть. Идеальное место для тайных любовных свиданий.

Эйе был очень веселым человеком. И поговорить с ним можно было о чем угодно. Он столько всякого разного интересного знал! Кроме того, от него всегда так чудесно пахло лошадьё. Неф, зажмурив глаза, вдыхала этот замечательный запах и была по-настоящему счастлива.

А Эйе сажал Неф себе на колени и шептал на ухо ужасные слова, от которых маленькое сердце Неф трепетало, как птенец, попавший в силки.

— Солнышко! Солнышко мое! Красавица-а!

— Неправда! — шептала Неф, готовая расплакаться. — Все знают, я некрасивая.

— Дураки они! — обычно начинал раздражаться Эйе. И строгим голосом продолжал. — Никого не слушай! Ты... красивая!

— Нет! Нет! — закрыв глаза, упрямо твердила Неф. — Ты врешь!

В такие минуты Неф страдала невероятно.

А Эйе тогда обычно начинал громко возмущаться. Даже воины, стоявшие неподалеку, выпадали из оцепенения и оглядывались по сторонам. Эйе ссаживал Неф со своих колен, ставил на скамью, чтоб она хоть чуть была повыше и начинал ходить взад-вперед. И говорил при этом строгим-строгим голосом:

— Запомни, красавица! Я никогда не вру! Вообще, это не в моих привычках... врать! — Эйе даже брезгливо морщился. — Об этом знают даже... даже на другом конце света. Я самый правдивый человек во всем Египте! Разве не так?

Неф ничего другого не оставалось, она кивала головой.

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

Неф отрицательно мотала головой.

— Запомни! Ты... красивая!

Неф упрямо отрицательно мотала головой. Тогда Эйе со вздохом опять присаживался на скамейку, сажал ее к себе на колени и продолжал допрос:

— С какой ноги ты сегодня встала?

— Не помню. — упрямылась Неф.

— Явно не с той, с которой надо! — строго говорил Эйе. И еще строже добавлял. — Запомни, лягушонок! Ты... красавица!

Эйе целовал ее в лоб и стремительно уходил из беседки. С улицы из-за деревьев доносился топот лошадей, свист, крики Эйе и его воинов. Их колесницы быстро уносились куда-то, поднимая пыль.

Неф тяжело вздыхала. Ведь Эйе был совсем старым. Ему было больше лет, чем пальцев у Неф на руках

и ногах вместе взятых. Лет двадцать пять. Или даже все двадцать восемь.

А его жена Крикла даже не догадывалась об их тайных свиданиях. Ей вечно было некогда. Она работала в поместье главным фараоном. В поместье Эйе одних служанок, рабов, конюхов и охранников было столько, что даже сам Эйе не знал, сколько. А уж он-то знал все на свете. И за каждым из охранников, конюхов и садовников нужен был глаз, да глаз. Не говоря уж о служанках. Все соседи Крикле сочувствовали.

Крикла была очень крупной женщиной. Смуглолицей и черноволосой. Красивой и очень полной. Неф, при всем желании, могла обхватить только одну ее ногу. Всю целиком обхватить Криклу во всем Египте мог только ее муж. Он даже носил ее на руках. Неф один раз сама видела. Эйе нес ее на руках, от пруда через сад прямо в дом.

Крикла смеялась и колотила его руками по спине.

— Совсем с ума сошел!? — шептала она. — Люди кругом! Увидят!

— Нет никаких людей. — спокойно возражал Эйе. — Все давным-давно спят. Поголовно.

На памяти Неф это был единственный случай, когда Эйе говорил неправду. Потому что до вечера было еще далеко. Солнце еще и не собиралось садиться. И потому все люди в поместье никак не могли спать. Но Эйе не слушал и нес Криклу прямо в дом.

Когда Неф было полтора года, Крикла тоже спасла ей жизнь.

Неф играла в саду за большим павильоном под присмотром служанки. Выкладывала на берегу пруда орнамент из камушков. Служанка и не заметила, как сзади к Неф подползла огромная кобра. И уже встала в боевую стойку. Готовилась к нападению. Служанка, увидев кобру, раскачивающуюся за спиной Неф, оцепенела и только тихо повизгивала. И тут из дома примчалась Крикла. Очевидно, сердцем почувствовала неладное.

Она схватила огромный камень, высоко подняла над головой и, что есть силы, трахнула прямо по башке кобре. Та упала замертво. Крикла, переведя дыхание, подняла кобру за хвост и, увидев какая та огромная, сама грохнулась в обморок. Только тут служанка закричала во весь голос.

Неф обернулась и, увидев лежащую на земле Криклу, громко заплакала.

Служанка начала голосить на все поместье. Суматоха поднялась вселенская. Прибежали служанки, рабы, охранники...Все перепугались до трясушки, поскольку знали характер Эйе. Если б, не дай Бог в его отсутствие что-нибудь случилось с его красавицей Криклой, он бы всем головы поотрывал.

Все дружно начали приводить Криклу в чувство. Терли виски листьями лотоса, капали в нос настойку из варианы, даже (самый испытанный способ!), засовывали в ухо колючку репейника. Ничто не помогало.

Догадался один стражник. Отбросил свое копье, принес кувшин с водой и выплеснул прямо в лицо Крикле. Та, естественно, очнулась. Тут же вскочила на

ноги, схватила Неф, прижала к себе и, шатаясь, медленно ушла в дом...

Целых два дня она не выходила из дома. И не отпускала от себя Неф. Даже спала, крепко прижимая к себе девочку. Неф надолго запомнила, как ей было неудобно, жарко. Крикла была не только крупная, полная и красивая. Она была еще и очень теплая. Даже горячая.

...Песчаные бури в Фивах большая редкость. Сказывается близость полноводного Нила. Но уж если задует пронзительный южный ветер и понесет волнами облака желто-бурой пыли, то беда.

Держись, египтянин!

В это время, за много километров от столицы, караванщики кнутами сгоняют верблюдов в круг. Нещадно бьют их палками по ногам, чтоб те ложились на песок и своими телами загоразживали погонщиков от беспощадного ветра, способного даже человека сбить с ног и покатить по барханам, будто какую-нибудь колючку.

В самих Фивах никто и носа не смеет высунуть на улицу. Так и сидят в своих домах по углам в полном молчании. Терпеливо ждут, когда Боги смилостивятся и утихомят разыгравшийся южный ветер. А он все завывает, гоня по дворам и проулкам пыль и щебень. В ураганной темноте исчезает все, весь прежний видимый мир. И небо, и деревья, и даже огромные храмы в самом центре Фив.

Жители молчат и ждут.

Ведь всем известно, как Боги решат, так и будет.

Обычно южный ветер стихает поздней ночью на второй или третий день. Но никто из жителей не торопится выползать из домов и лачуг, расчищать дворы от песка и пыли. За них это сделает северный ливень.

У Богов все давным-давно продумано. Уже к утру второго или третьего дня южный ветер стихает и по небу на Фивы со стороны Средиземноморья надвигается черный вал грозových облаков. Вал разражается неистовым потоком, который смывает все пески, принесенные с юга в Фивы, всю пыль и грязь с дворов и улиц, уносит по каналам и протокам в полноводный Нил, а тот возвращает всю мутную воду обратно Средиземноморью...

А еще в поместье Эйе проживал его племянник — Хотеп. Старше Неф на два года. Он был угрюмым и злобным. Очень худым и даже сутулым. И глаза у него были какие-то пустые.

Когда Неф было уже три с половиной года, он подловил ее в павильоне между колоннами.

— Ты... жаба! — брезгливо сказал Хотеп.

Он размахнулся и ударил Неф прямо в глаз. Кулаком. Изо всей силы. Повернулся и ушел.

Неф долго и тихо плакала. Ей было очень больно. Но еще больше ей было обидно. Не за себя, естественно, за жабу. Только очень глупый и невнимательный человек мог считать жабу безобразной. Большинство людей просто их близко не видели. Вот и все.

Тем не менее, под глазом Неф образовался огромный синяк. А сам глаз заплыл вовсе. Им она почти ничего не видела. Неф пыталась замазать синяк какой-нибудь краской. Под цвет веснушек. Слюнявила палец и

пыталась стереть краску с росписей в зале для приемов. Ничего не получалось, краска не оттиралась.

Крикла, увидев новое «украшение» Неф, всплеснула руками и тут же громко заголосила на своем нубийском языке. Крикла не была чистокровной египтянкой. Только наполовину египтянкой, а наполовину нубийкой. Если она начинала говорить на своем нубийском языке, все служанки разбежались по поместью и прятались по углам.

В тот же вечер Неф позвали к ужину на крышу большого дома. Обычно детей и близко не подпускали к столу со взрослыми. Неф медленно поднялась по деревянной лестнице и остановилась на пороге.

Эйе и Крикла ужинали. Вернее, ужинал один Эйе, служанки только успевали подносить ему все новые и новые блюда, а Крикла сидела напротив и сверлила его каким-то незнакомым Неф взглядом.

Оба они сделали вид, будто не видят никаких «украшений».

Тогда Неф решила взять инициативу в свои руки.

Она решительно подошла к столу, села напротив Эйе, рядом с Криклой и, как бы между прочим, поинтересовалась:

— Почему Хотеп такой?

— Какой такой? — не понял Эйе.

— Не такой, как все. — пояснила Неф.

— Видишь ли... — глубоко вздохнув, издалека начал Эйе. — Очевидно Боги, в тот день, когда родился Хотеп, встали не с той ноги...

Это была его любимая тема, порассуждать, кто с какой ноги утром встал и что конкретно за этим последует.

Крикла выразилась проще. Так прямо и сказала:

— Еще в детстве Хотепу в задницу ударила молния. С тех пор он сделался слабоумным!

Эйе очень возмутился. Даже сильно закашлялся.

— Так нельзя говорить о ребенке! Его пожалеть надо!

Крикла с готовностью покивала головой.

— Я его пожалею! Очень пожалею! — с ударением сказала она. И тут же, повышая голос, добавила. — Если этот придурок еще хоть раз пальцем тронет моего лягушонка, я собственными руками оторву ему голову и брошу в Нил на съедение бегемотам!

Эйе, сдерживаясь, уточнил:

— Между прочим, бегемоты детей не едят. Они травоядные.

— И правильно делают! — согласилась Крикла. — Нечего всякую дрянь жрать! Отравиться можно!

Неф только успевала переводить взгляд с Эйе на Криклу.

Но тут Эйе не выдержал, резко встал из-за стола, схватил самую большую и красивую вазу и трахнул ее об пол. Ваза разбилась вдребезги. Служанки с визгами попрятались за занавесками. А Эйе сказал:

— Мне это все... остолбенело! Днем воюешь, воюешь! Домой придешь, опять война!

Эйе поискал глазами, что бы еще такое трахнуть об пол, но на столе остались только вазочки, кувшинчики, тарелочки — мелочевка. Тогда он просто спустился по

лестнице и ушел в спальню. Наверняка ему хотелось громко хлопнуть дверью. Но дверей в домах в Египте не было вовсе. Только льняные занавески. Потому что климат был очень жаркий.

А Крикла еще долго сидела за столом и сама с собой громко разговаривала по-нубийски. Потом посмотрела на Неф и сказала:

— Вот, такая вот...Таратумбия!

Этой фразой она обычно заканчивала любой разговор. Почему «Таратумбия», а не Финикия или ее родная Нубия, и где она находится, никто не знал. Не знала этого и Неф.

Уже спускаясь по лестнице, Неф подумала, она тоже не такая как все. У Эйе с Криклой своих было трое детей, да еще двое приемных. Да еще племянник Хотеп. И разумеется, сама Неф. Для нее даже построили отдельный маленький дом. Все как у взрослых. Терраса, спальня, на крыше под тентом жаровня с углями. Маленькая столовая и ванная. И служанки у нее были. Даже две. Одна укладывала спать и кормила, другая постоянно сопровождала Неф на прогулках, если они выходили за пределы поместья. Ничего такого у остальных детей Эйе и Криклы не было.

Неф топала по теплым плиткам садовой дорожки. Потом вдруг неожиданно остановилась и сказала вслух. Довольно громко:

— Когда я стану женой Эйе, никогда не буду ему возражать и спорить! — Подумала и добавила. — И он будет носить меня на руках каждый день. А не от случая к случаю.

Над ее головой на темном небе висели огромные, как яблоки звезды. Оглушительно верещали цикады. И негромко переговаривались у дальних ворот охранники. И еще она подумала, скорей бы вырасти. А то Эйе окончательно состарится. Тогда жизнь потеряет всякий смысл. От таких мыслей Неф стало очень грустно на душе и она собралась даже заплакать, но передумала, потому что уже совсем пришла к своему маленькому дому. И ей очень захотелось спать. Засыпая, Неф успела подумать, завтра утром надо проведать своего друга лягушонка, проживающего в большой луже за павильоном.

Во сне Нефертити всегда летала...

2

Каждым жарким утром, предвещающим еще более жаркий день, в бесконечно голубом и высоком небе, над Фивами неподвижно висит одинокий, черный коршун. Широко раскинув свои мощные крылья, он зорко осматривает город. От его хищного взгляда не ускользает ничто. Ни хижины, ни убогие проулки позади торговых рядов, ни навесы над лавочками торговцев, ни одинокие прохожие.

С высоты его парения десять помпезных храмов в центре города не кажутся такими уж монументальными и внушительными. Да они и не интересуют его. Черного коршуна интересует только то, что движется. Мелкие грызуны, которых в изобилии в любом углу Фив, да серые воробьи, обитающие в садах и многочисленных парках.

В эти ранние утренние часы пара воробьев, старожил Фив, затаиваются под мостками сточной канавы, позади торговых рядов и застывают там в неподвижности до тех пор, пока жара не усилится и черный коршун, вяло взмахнув крыльями, не улетит в направлении синего леса.

Тогда пара представителей самого древнего рода пернатых, выберется из-под мостков и, с опаской поглядывая на небо, будет купаться в сточной канаве, приводить в порядок свое невзрачное оперение и готовиться с толком прожить еще один день в большом городе.

Неф никогда никого ни о чем не просила. Поэтому Крикла очень удивилась, когда однажды Неф попросила у нее четыре бирюзовые бусины. Высоко подняла свои красивые брови.

— Зачем тебе бусинки? Да еще целых четыре! Хочешь обменять у торговцев на сладости?

Неф отрицательно помотала головой.

— Хочешь сама сделать украшение?

Неф презрительно скривила губы. Она не любила украшения.

— А-а... — догадалась Крикла. — Решила откладывать бусинки. Накопить себе приданое, верно?

Неф неопределенно пожала плечами, вздохнула.

— Значит, ты собралась замуж? За кого?

Неф немного помедлила. Потом обхватила ее шею руками, подтянулась к самому уху и что-то едва слышно прошептала.

Услышав тайное признание, Крикла широко открыла рот и набрала в легкие воздух, видимо, уже хотела громко расхохотаться. Но, увидев строгие глаза Неф, почему-то передумала.

Она достала из мешочка бусинки и положила в ладонку Неф.

Крикла была добрая женщина, но наивная. Бусинки нужны были вовсе не для приданого. Неф решила посетить Главный храм Верховных жрецов, что возвышался над всеми Фивами.

За обедом Крикла рассказывала мужу новости. Оливки у торговцев опять подорожали, виноград опять не уродился, служанки обленились, рабы распустились, им бы только служанок за коленки хватать...

— ...вот такая... Таратумбия!

Эйе слушал внимательно, кивал головой.

Поедал фрукты и незаметно стрелял косточками в служанок.

В самом конце обеда Крикла сказала:

— А соседский хряк подкоп под нашу ограду делает. Ты скажи этому своему Пареннеферу, если его хряк не перестанет делать подкоп, не знаю, что я тогда сделаю. Все нервы вымотал.

— Надо ему один глаз подбить. — невозмутимо ответил Эйе.

— Кому, Пареннеферу? — не поняла Крикла.

— Соседскому хряку. Подбить правый глаз. Можно левый. Тогда он пойдет, вот так... пойдет...

Эйе взял в руки большой кабачок и начал на столе показывать, как пойдет хряк. Служанки по очереди прыскали в кулачки.

— ...пойдет... и упрется в свой собственный свинарник. Пусть его и подкапывает. — с серьезным видом, заключил Эйе.

— Тебе все шуточки. — отозвалась Крикла. — А дело серьезное.

Эйе понимающе кивнул головой. Тогда Крикла глубоко вздохнула и, усмехнувшись, сказала:

— Есть и хорошая новость. Для тебя.

— Какая это?

— Наша Неф собралась замуж.

В глазах Эйе заиграли веселые огоньки. Он прищурился.

— Новость, действительно, хорошая. За кого, если не секрет?

— Угадай с трех раз. — хохотнула Крикла.

Эйе, смеясь, отрицательно замотал головой.

— Женская душа... лабиринт. В него лучше носа не совать.

— За тебя, наш защитник!

Эйе высоко поднял брови. Потом нахмурился. Потом начал корчить разные забавные рожи. То выражающие восторг, то глуповатое умиление, то безграничное удивление... Крикла в таких случаях всегда очень громко смеялась.

Эйе это умел. Корчить самые разнообразные рожи. Мог любому человеку поднять настроение. Вообще, он был веселым человеком. Его и так любили все, кто

близко знал, а за это исключительное умение корчить рожи, просто обожали.

— Есть одно обстоятельство! — вдруг сурово и даже грозно сказал Эйе. — Я женат!!!

И так глубоко вздохнул, что Крикла опять громко расхохоталась.

— Все в Египте знают... — продолжил Эйе. — Я самый ярый противник многоженства.

— Отстаешь от жизни, дорогой мой! — смеялась Крикла. — В нашем прогрессивном государстве любой важный сановник имеет несколько жен. А ты...

— У меня одна. — пожимал плечами Эйе.

— У всех остальных по несколько жен! — настаивала Крикла.

— Их пожалеть надо. — спокойно говорил Эйе. — Им всем не очень-то повезло. Вот они и ищут. А я уже нашел.

Эйе и Крикла смотрели друг друга в глаза и смеялись. Служанки, убиравшие со стола, многозначительно переглядывались.

Летом после полудня в Фивах малоллюдно. Редкий смельчак рискнет выйти под палящее солнце без крайней надобности. Если и выйдет, будет держаться теневой стороны переулков. А широкие улицы перебегать вприпрыжку. Раскаленная, каменистая земля обжигает даже сквозь толстые подошвы сандалий.

В зыбучем мареве расплываются и колышутся очертания всех общественных зданий и сооружений. Даже храмы на возвышенности в центре Фив, обычно четко видные с окраины, лишь едва угадываются.

Улицы пусты. Жара и сонная одурь. Одним только продавцам воды эфиопам все нипочем. Толкают себе тележки с кувшинами вдоль улиц и орут во все горло:

— Вода-а! Кому-у холодный вода-а!

Но к ним никто не подходит. Дураков нет. В такое пекло лучше вообще не пить и поменьше двигаться. А еще лучше вообще не выходить из дома. Все дела отложить до вечера.

Пара проворных воробьев, старожилы Фив, держась на некотором расстоянии, обычно сопровождают маленькую девочку, когда она тайком покидает поместье.

Вообще, в поместье Эйе воробьи залетают довольно часто. Как-никак у конюшен всегда найдется, чем поживиться. Да и возле беседки у старого пруда можно застать маленькую девочку. Она — очень щедрое существо, при каждой встрече чем-нибудь угощает. От нее не исходит никакой опасности, воробьи это чувствуют. Тот, который чуть поменьше, (вернее, это Она!), иной раз, преодолев страх, даже садиться ей на ладонь и быстро-быстро клюет мелкие зерна.

Когда девочка тайком направляется в город, воробьи следуют за ней. Любопытство в крови у этих пернатых.

Неф пробиравлась переулками к Главному храму. Избавиться от служанок ничего не стоило. Заявила, что идет на кухню к нубийской принцессе Крикле. Естественно, служанки не жаждали лишней встречи с Криклой, не стали сопровождать ее.

Неф перелезла через низкую глиняную стену, перепрыгнула через канаву и пересекла маленькую лужайку, всю заросшую огромными лопухами. Дальше начинались Фивы...

Главный храм Верховных жрецов подавлял своими размерами. Чем ближе к нему подходишь, тем грандиознее и монументальнее он становится. Каждый, кто ставил ногу на его ступени перед центральным входом, испытывал страх. Бесконечные ряды расписных колонн с жертвенниками между ними, невольно внушали мысль о бесконечности власти жрецов.

Но Неф вовсе не нужен был центральный вход. Ее интересовал архив, хранилище папирусов. Она свернула за угол, прошлепала между колоннами, обходя их, то справа, то слева, (для разнообразия!), и оказалась сзади храма, перед другим входом. Он был совсем маленький, даже незаметный, но перед ним стояли охранники.

Неф бесшумно подошла к самому входу и из-за колонны кинула на каменные плиты одну за другой пару бусинок. Охранники, отбросив в сторону копья, бросились на каменные плиты, искали бусинки, нашли.

Потом долго-долго пялились на небо, бормоча что-то о щедрости богов. Неф спокойно вошла внутрь, спустилась по каменной лестнице вниз и очутилась в хранилище. Другую пару бусинок она приберегла для выхода.

...Читать Неф еще год назад научила Крикла. Она медленно водила ее пальчиком по иероглифам и повторяла много раз, что каждый из них означает.

Неф оказалась способной ученицей. Все хватала на лету. За год она освоила то, что другим не освоить и за пять лет.

Глядя на остальных своих детей, приемных и родных, Крикла только глубоко вздыхала...

После беспощадного, яркого солнца и отупляющей жары снаружи, здесь, внизу, было прохладно и уютно. Но темно. Неф некоторое время стояла неподвижно, ждала, пока глаза привыкнут.

Оказавшись среди бесконечных рядов глиняных сосудов с папирусами, она поначалу растерялась. Потом сообразила, большинство сосудов были покрыты толстым слоем пыли. К ним давно никто не прикасался. Только в самом конце зала, на полках стояли чистенькие, новенькие круглые футляры. Папирусы в них засунули явно совсем недавно.

Неф вовсе не интересовали древние времена. Ей важно было узнать, что произошло вчера... Вернее, что происходило в Фивах за последние несколько лет...

После нескольких посещений хранилища Неф поняла, почему у нее возникало ощущение, что она — не такая, как все. Из всего прочитанного было ясно, единственной законной наследницей трона фараонов является она. Девочка по имени Неф.

Наследнице трона фараонов было шесть с половиной лет.

— Я запрещаю!!!

Неф никогда еще не видела Эйе таким взволнованным. Он даже вспотел. Метался взад-вперед по ма-

ленькой беседке, сверкал на Неф глазами и обеими руками лохматил волосы на голове. Вернее, пытался лохматить. Они у него были настолько густые, что взлохматить их по-настоящему было невозможно.

Пара любопытных воробьев, обычно сидевших в самой беседке под крышей на незаметном выступе и уже давно наблюдавших за развитием отношений Неф и Эйе, в этот раз благоразумно расположились на соседнем кусте. Чуть в отдалении. Все видно, все слышно. И безопасно.

Неф, конечно, не утерпела и на первом же тайном свидании доложила Эйе обо всем. О своих посещениях Главного храма и о потрясшем ее воображение открытии — почему она не такая как все.

— Ты меня слышишь!? — понизив голос, говорил Эйе. — Запрещаю ходить туда одной!

Неф подняла на него свои грустные глаза.

«Я люблю...тебя!» — неожиданно для себя самой чуть не сказала она вслух. Но вместо этого тихо прошептала:

— Ты не можешь мне запретить...

Эйе опешил. Остановился, как вкопанный посреди беседки. И долго, нахмурившись, всматривался в глаза Неф.

— Тогда... дай слово, больше не пойдешь туда одна!

— Даю слово. — с готовностью, кивнула Неф.

Честно говоря, она уже пожалела, что все рассказала Эйе. Вот уж не думала, что он будет так переживать. Думала, будет наоборот.

Эйе удивиться, обрадуется и поздравит ее с такой возможностью, стать царицей всего Египта. Но он только нервничал.

— Я приставлю к тебе охрану...

Эйе, наконец, перестал метаться взад-вперед по беседке и плюхнулся на скамейку напротив Неф.

Долгое время оба молчали. Неф вздохнула. Сегодня о том, чтобы сесть к нему на колени и мечтать было нечего.

Ночью прошел сильный ливень, но к обеду все дорожки и кусты в саду подсохли. Изредка, со стороны Нила налетал, едва уловимый, свежий ветер. Во всем поместье стояла удивительная тишина. Даже со стороны кузнецы не доносилось никаких стуков.

— Разве Боги не такие, как мы? — неожиданно спросила Неф.

Эйе резко повернулся к ней. Вообще, в последнее время он стал какой-то нервный, дерганый.

— А ты... как думаешь? — медленно произнес он.

— Такие же. Только лучше.

Неф помолчала, почесала коленку и продолжила:

— Я, например, не хочу никого убивать, мучить... Если Боги лучше нас, они тоже не хотят убивать.

— Ве-ерно-о! — усмехнулся Эйе.

— Тогда зачем убивать врагов? Зачем вообще воевать? Зачем приносить в жертву рабов и животных? Они все хотят жить.

Эйе вытер со лба пот и оглянулся по сторонам. Двое его охранников в этот раз стояли у самых дальних ворот.

— Кто тебя этому научил? — шепотом спросил он.

— Ты! Кто еще. — искренне удивилась Неф.

Эйе долго смотрел в ее зеленые глаза и покачивал головой. Он не помнил, чтоб говорил что-либо подобное.

Самое поразительное, она высказала вслух то, что ему самому не давало покоя. И довольно давно. Эйе был воином. Как все настоящие воины, терпеть не мог кровь, страдания, насилие...

В тот вечер они впервые мало говорили. Но у обоих возникло странное ощущение, будто их диалог не прерывался ни на минуту.

Пара любопытных воробьев, так и не дождавшись ничего интересного, легко вспорхнули с куста и полетели в сторону конюшен.

Уже уходя, Эйе вдруг задержался на миг, повернулся к Неф и, помотав головой, сказал:

— Я хотел... чтоб ты не знала этого... как можно дольше!

Еще раз помотал головой и стремительно вышел из беседки.

Неф поначалу и сама испугалась, когда на нее свалилась эта, ошеломляющая новость. Но постепенно, постепенно как-то свыклась с ней. И даже начала строить планы.

Она и не думала ограничивать свою свободу. Вот еще! Но Эйе сдержал слово. Теперь за ней неотступно следовали два эфиопа. Оба с серповидными мечами, как у самого Эйе, только меньшего размера.

Неф более внимательно вчитывалась в папирусы, более внимательно всматривалась в скульптуры богинь и цариц.

И пришла к выводу. Дальше так жить нельзя. Надо измениться!

Скульптор Тутмес был мрачным человеком. Неразговорчивым. Левый глаз его крупного лица был всегда слегка прищурен. То ли, постоянно оценивал окружающее с точки зрения скульптора, то ли, просто в детстве мраморная крошка в глаз попала, никто не знал. Вытянуть из него хоть одно слово удавалось немногим.

В глазах всех женщин Фив, Тутмес был загадочной фигурой. Загадочной и романтической. В молодости он пережил очень бурную романтическую любовь к одной молоденькой особе знатного рода. (Имени ее для истории не сохранилось!). Воспылав друг к другу страстью, молодые люди хотели тайком бежать из Фив, покинуть страну, быть навеки вместе, умереть в один день. И все такое.

Но что-то у них не заладилось. То ли, родители пронюхали раньше времени. То ли, денег на дорогу не оказалось в достаточном количестве. Словом, бегство сорвалось.

Хотя, некоторые утверждали, бегство все-таки состоялось. Лихую парочку успели перехватить в порту при посадке на корабль. Взяли под белые руки и отправили обратно по домам.

— Мы все равно будем вместе! — кричала худенькая девочка знатного происхождения, когда слуги под руки волокли их в разные стороны.

— Даже смерть не разлучит нас!!! — кричал сам Тутмес. Справедливости ради, надо уточнить, ему тогда не было еще и шестнадцати.

Поговаривали, кто-то из них двоих потом пытался покончить жизнь самоубийством. То ли, скульптор, то ли его возлюбленная, никто точно не помнил, но что-то такое безусловно было. Это обстоятельство придало фигуре Тутмеса, в глазах всего женского населения Фив, особую загадочность и привлекательность.

Через пару лет его избраница, худенькая девочка знатного происхождения, благополучно вышла замуж за состоятельного сановника. Сразу же раздобрела, родила нескольких детей и превратилась в пышную, склочную, истеричную матрону. Любимым его занятием стало, хлестать по щекам рабынь и служанок за малейшую провинность. Она испытывала прямо-таки наслаждение, унижая и доводя до слез очередную, чаще всего смазливую девчонку.

Тутмес так никогда и не женился. Женская часть населения Фив дружно фантазировала, он хранит верность той самой худенькой девочке, с которой когда-то пытался бежать из страны, жить счастливо, умереть в один день. И все такое.

Но каждым ранним утром у задней двери его мастерской можно было увидеть пару каких-нибудь женских сандалий. Хотя все Фивы знали, он избегает женщин. И даже не имеет молоденьких рабынь.

Вся его мастерская была завалена торсами богов, скульптурами натурщиц в разных позах. По стенам на стеллажах, как на параде, стояли головы всех фараонов и военачальников Египта. Тутмес мог по памяти вырубить любого из песчаника. Или даже из мрамора.

Неф очень волновалась, когда переступила порог его мастерской. Тутмес удивленно поднял густые брови, но промолчал. Продолжал обтачивать серый песчаник, стоявший перед ним на верстаке.

Неф побродила по мастерской, осмотрелась. Особенно внимательно рассматривала женские бюсты. Потом, набравшись смелости, решительно повернулась к Тутмесу.

— Ты знаешь...кто я? — звонко спросила она дрожащим голосом.

Вся ее фигурка, особенно сверкающие глаза и раздувающиеся ноздри, выражали отчаянную решимость.

Тутмес сдержанно, с уважением, кивнул головой.

Неф еще некоторое время побродила по мастерской. Явно что-то выискивала. Потом спросила:

— Где обычно сидят твои натурщицы?

— Во-он... на том помосте...

Тутмес кивнул на центр мастерской, продолжая исподлобья наблюдать за Неф.

Неф подставила к помосту скамеечку, поднялась на него и уселась в кресло. Выпрямила спину, гордо вскинула голову.

— Ты ведь...много видел красивых женщин?

— Приходилось... — едва заметно усмехнулся Тутмес.

— Помнишь их всех?

— До единой. Красота не забывается.

— Выбери самую красивую из всех!

— Зачем тебе это, Неф? — изумился Тутмес.

— Надо! — довольно жестко ответила Неф. Впервые в ее голосе появились эти, непривычные ей самой, властные нотки.

Она помедлила и добавила, тем же властным тоном:

— Нужно, чтоб ты сделал мой бюст!

— Всего-то! — облегченно выдохнул Тутмес. — Я уж испугался.

— Ты должен выбрать самую красивую женщину, из тех, что помнишь. И соединить с моими дурацкими чертами.

— У тебя очень...своеобразное лицо... — начал было Тутмес.

Но Неф опять довольно жестким тоном прервала его.

— Я знаю! — отрезала она. — Я знаю все.

Тутмес, пораженный ее жесткостью, удивленно, как бы заново, рассматривал ее маленькую фигурку.

— Я должна стать красивой! — произнесла Неф. Потом, помолчав, добавила. — Я должна стать самой красивой... Ты понял?

Тутмес долго всматривался в лицо девочки, сидящей на помосте в неестественной, напряженной позе.

— В камне возможно сделать все...

Он отложил инструменты, вытер руки о передник, обошел помост вокруг, внимательно рассматривая Неф. Наконец спросил:

— Какого размера нужен бюст?

— Во-от... такой!

Неф приподняла руку над своей коленкой.

— Ты должна будешь позировать несколько дней подряд. Это довольно трудно, сидеть неподвижно. Немногие натурщицы...

— Я готова! — ответила Неф.

Неф действительно была готова. И не только к таким пустякам, как сидеть неподвижно в течение нескольких часов.

Наследнице трона было уже девять с половиной лет.

3

Исполнительные и пунктуальные помощницы врача Нахта были все сплошь финикийками. Чистенькие и аккуратные, как новенькие игрушки в одинаковых зеленых платочках, закрывавших почти все лицо, они бесшумно возникали и исчезали, как привидения. И понимали врача Нахта с полуслова.

Старик Нахт и сам был финикийцем. Кто же еще, кроме финикийца, мог быть врачом в Египте. У него были настолько густые, седые, нависающие над глазами брови, что и самих-то глаз почти не было видно. Неф всегда почему-то хотелось слегка, аккуратно так, раздвинуть их пальчиком. Чтоб ему самому было лучше видно. И еще одно. Хоть один разочек подергать за бороду.

Ходили слухи, Нахту более двухсот лет и он может абсолютно все. Даже отрастить воину новую ногу, если тот потеряет свою в сражении. Недавно он одному жрецу новый глаз вставил. Видел им жрец или нет, неизвестно, но глаз выглядел как настоящий.

Когда Неф впервые переступила порог его дома, (дом был одновременно и больницей), ее поразило количество кувшинчиков, баночек, шкатулок, стоявших длинными рядами на полках и на столах. Неф ходила между столами, приоткрывала крышечки.

А это для чего? А это зачем? А что будет, если это смешать с этим? А можно попробовать на язык? А ты сам пробовал? Откуда знаешь, если сам не пробовал?

Теперь же...

Неф решительно прошла к главному столу, поставила на него свой бюст и одним движением сняла тряпку.

Старика Нахта трудно было удивить. Он и не удивился. Посмотрел на бюст. Потом на Неф. Потом опять на бюст.

— Вот! — сказала Неф. И облизнула губы.

Со стола на Нахта смотрела молодая женщина, редкостной красоты, чем-то отдаленно напоминающая саму Неф.

Нахт долго смотрел на очаровательное лицо, с нежным овалом, с прекрасно очерченным небольшим ртом, прямым носом, чудесными миндалевидными глазами, слегка прикрытыми широкими тяжелыми веками... и ему стало грустно. Красота всегда навеивает грусть.

За его спиной бесшумно возникла целая стайка помощниц. Они вылупились на бюст и едва слышно верещали по-финикийски. А на решетке окна появилась парочка любопытных воробьев. Они тоже, едва слышно, о чем-то чирикали.

Нахт кашлянул, помощницы бесшумно исчезли. Не отрывая взгляда от бюста, Нахт глубоко вздохнул и спросил:

— Хочешь, чтоб я сделал тебя такой?

Разумеется, Неф кивнула. Даже не просто кивнула, а несколько раз утвердительно потрясла головой. Нахт долго молчал.

— Ты говорила с Криклой?

Неф отрицательно помотала головой.

— У нас чисто дружеские отношения.

Нахт кивнул, но ничего не понял. Какие такие «чисто дружеские отношения» могут быть у воспитанницы со своей кормилицей и приемной матерью. Он опять долго молчал.

— Я должен поговорить с Эйе. — сказал он наконец.

Тут Неф решительно выступила вперед и начала растолковывать непонятливому старику Нахту:

— Между прочим, Эйе со своими отрядами находится на границе с Сирией. Вернется через две недели. А нубийская принцесса Крикла, между прочим, уехала на похороны двоюродной тети. А служанки, между прочим, если что, будут молчать. А вообще-то, это никого не касается. Кроме самой Неф. Между прочим, она уже достаточно взрослый человек, чтоб самой решать. Что нужно, что не нужно. Между прочим!

Старик Нахт слушал и думал, эта худенькая девчонка с зелеными глазами уже все продумала. И выбить из нее эту идею уже невозможно.

Старик Нахт многое повидал на своем веку. Фараоны, царицы, военачальники, их жены, дети... Неодно-

кратно ему приходилось отказывать женщинам в просьбах «сделать самой красивой». Но тут...

Эта девчонка с зелеными глазами, если ее чуть-чуть подтолкнуть, чуть-чуть помочь, сможет много полезного сделать для его страны. В ней явно играет кровь родителей. Особенно, отца.

Нахт по происхождению был финикийцем. Но своей родиной, своей страной считал Египет. И только его. Он был убежден, его страна достойна лучшей участи, нежели то, убогое состояние, в котором она пребывает сейчас...И Нахт решил.

Пара любопытным воробьев, с высоты оконной решетки, с изумлением наблюдала за той возмутительной сценой, которая разыгрывалась на их глазах в доме врача Нахта.

Нахт цепко ухватил Неф за плечо и усадил ее в кресло.

— Сиди и... не квакай! — строго сказал он.

Тут же опять появилась стайка помощниц. Они окружили Неф со всех сторон и зачем-то (!?) крепко ухватили за руки и за ноги.

А врач Нахт явно начал издеваться. Засовывал палец в рот и, соединив с другим пальцем снаружи, тер кожу щек между ними. Оттягивал и вертел во все стороны нос. Дергал за уши... А потом, вообще!

Нахт взял в руки мухобойку и начал шлепать ее по щекам. Шлепнет, наклонится, посмотрит... Опять шлепнет, наклонится и опять очень внимательно рассматривает то место, по которому шлепнул.

Неф явно уже хотела разозлиться по-настоящему. Но Нахт закончил. Последний раз шлепнул ее мухобойкой по лбу и отвернулся.

— Тебе придется два дня лежать неподвижно. Ничего не есть. И дышать только через трубочки в носу.

— Могу вообще не дышать! — обиженно ответила Неф.

Нахт повернулся и долго смотрел ей прямо в глаза.

— Красивые женщины редко бывают счастливы. — пробурчал он.

Неф уже соскочила с кресла и поправляла свою одежду.

— Красивая царица может сделать счастливым свой народ! — торжественно провозгласила Неф.

И это был ответ, которого Нахт ожидал.

— Приходи завтра с утра. — вздохнув, сказал он. Еще раз вздохнул и пробурчал себе под нос. — Боги тебя покарают, Нахт!

— Царица Египта тебя наградит, Нахт! — откликнулась Неф.

Неф уже направилась к выходу, когда ей вдруг стало страшно. Она вернулась, оглянулась по сторонам и тихо спросила:

— Резать будешь?

— Обязательно! — кивнул головой Нахт. — Отрежу уши и нос. Потом пришью какие-нибудь другие. — пробурчал он.

Помолчал и добавил.

— Шутка.

Неф облегченно выдохнула. Она терпеть не могла крови.

После ухода Неф, старик Нахт еще долго разглядывал бюст. Трогал пальцами, хмурился. Потом завернул его в тряпку и поставил на пол в самый дальний угол комнаты...

...пройдет много-много веков...и однажды...немецкий археолог, под слоем песка и кирпичной пыли, обнаружит, чудом сохранившийся, в натуральную величину, бюст молоденькой прекрасной женщины. Он вздрогнет от неожиданности...замрет в восторге...и будет еще долго, не отрываясь, рассматривать его со всех сторон...

Неф задыхалась. Груды раскаленного песка давили ей на лицо и на все тело. Ей не хватало воздуха. Но крикнуть она не могла.

С самого начала помощницы Нахта начали обращаться с ней, как с бесчувственной куклой. Раздели до гола и, несмотря на все возражения, выкупали в ванной. Потом положили на длинный стол и спеленали ее всю, с ног до головы, льняными бинтами, пропитанными смолой. И накрепко привязали к ножкам стола кожаными ремнями.

Потом появился Нахт и началось самое страшное...Он какими-то овальными деревяшками закрепил ей голову так, что у нее сразу затекла шея. Потом вставил, как и обещал, в нос две трубочки. Приказал раскрыть рот и сунул в него комок особой глины, которую перед этим долго разминал в руках. Неф послушно стиснула зубы и больше уже целых два дня не могла их разжать.

А Нахт начал слой за слоем накладывать ей на лицо какую-то гадкую пасту. Запах стоял ужасающий! Неф терпела.

А Нахт все накладывал и накладывал, слой за слоем, ей на лицо эту вонючую пасту. Да еще бинтами сверху приклеивал.

Неф только успела подумать, наверное, именно так чувствуют себя мумии, когда их бальзамируют. И крепко уснула. Перед этим Нахт влил ей в рот большую чашку какой-то, тоже довольно противной жидкости.

Теперь она проснулась. И сразу начала задыхаться. Попыталась пошевелиться... бесполезно! Руки и ноги были по-прежнему крепко-накрепко связаны. Если б Неф могла плакать, заплакала бы. Но глаза у нее тоже были заклеены и обложены гадкой пастой...

Неф распеленали. Долго массировали лицо и все тело. Втирали какие-то мази. Особенно усердно финикийки почему-то массировали ноги и руки. Правда, в лицо тоже втирали всякие пахучие мази.

Потом, когда ее всю насухо вытерли и поднесли к лицу отполированное до нестерпимого блеска зеркало, Неф увидела в нем... уже знакомое прекрасное лицо. У нее перехватило дыхание.

Такой она виделась себе только во сне...

Неф долго рассматривала свое отражение. Со всех возможных сторон. Щупала пальцами щеки. Они стали заметно меньше. Кожа на них стала мягкой, чуть смуглого цвета. Слегка припухлые губы образовывали чувственный, (Неф уже начинала в этом разбираться), изящный рот. Совсем приличного размера. Во всяком случае,

ничего «лягушачьего» в нем уже не проглядывалось. Веснушки исчезли вовсе.

Нахт стоял сзади и, как обычно, хмурился. Но по всему было видно, он доволен. Финикийки тоже восторженно улыбались.

— Стану царицей, щедро награжу. — хрипло сказала Неф. Ее голос и язык еще не очень слушались. — Проси, чего хочешь!

— Позволь, царица... — усмехнулся Нахт. — До конца дней моих, называть тебя «лягушонком»!

Финикийки дружно захихикали. Улыбнулась и сама Неф.

Наследнице трона было одиннадцать с половиной лет.

В тот день в Фивах жара достигла своего апогея. Солнце абсолютно неподвижно висело в зените и, казалось, не собиралось больше никогда заходить за горизонт. Оно даже издавало, едва слышимый, звенящий гул, будто решило своими беспощадными лучами испепелить все живое в городе и его окрестностях.

Едва Неф ступила за порог дома Нахта, у нее возникло странное ощущение, будто она совсем одна в большом городе.

Обычно шумные и многолюдные улицы города вымерли.

Одинокий, черный коршун, с высоты своего парения, с удивлением наблюдал за странными, зигзагообразными движениями маленькой девочки по пустынному городу. Черному коршуну легче других. Там, вы-

соко в небе движутся другие потоки воздуха. Более прохладные.

Черный коршун и не подозревал, что этой худенькой девочке предстоит трудный, полный опасностей, отчаяния и большой радости путь, и что сейчас она еще только делает первые шаги к самой вершине власти. Все это его не интересовало.

Он знал одно, обычно девочку на расстоянии сопровождают два пернатых существа, самая желанная добыча для хищника, но в этот раз их видно не было. Затаились где-то в тени, переждать жару.

Неф возвращалась домой зигзагами. От одной лужи к другой. Останавливалась перед каждой и, делая вид, будто поправляет сандалии, наклонялась, пытаясь рассмотреть свое отражение. В лужах мало что можно было разглядеть. Но все равно. От лужи к луже в ней росла уверенность в себе.

Уже у самой последней лужи, чуть в стороне от дороги, под кустом сидели три бродяги. Грязные, в лохмотьях. И кажется, нетрезвые.

Увидев проходящую мимо Неф, они восхищенно зацокали языками и начали наглыми жестами выказывать свое одобрение.

В другой ситуации Неф и внимания бы не обратила на них, но сегодня...Она сначала бросила на бродяг презрительный взгляд, а потом, проходя мимо, не выдержала и показала язык.

В ответ она услышала веселый смех.

В ворота усадьбы охранники не хотели ее впускать. Не узнали. Скрестили перед ее носом свои длинные ко-

пья. И еще больше выпучили огромные, сверкающие белками на черных лицах, глаза.

Неф постояла, подумала. Охранники застыли, как статуи фараонов перед входом в Главный храм.

Неф хотела уже наплевать и проникнуть в поместье старым, испытанным способом, которым пользовалась не раз. Перелезть в стороне через низкий глиняный забор, но передумала.

Скрестила руки на груди и топнула ногой.

— Та-аратумбия! — грозно сказала она. И еще раз топнула ногой.

Охранники тут в страхе отступили. Прижали к себе копья.

Топая по дорожке к своему маленькому дому, Неф подумала, надо обязательно выяснить у Криклы, что это слово означает.

За своей спиной она слышала сдержанный смех охранников. Раньше они себе такого не позволяли.

Непосредственно сама Неф не видела, как едят крокодилы. За всю жизнь она и видела-то только одного, да и то, издали. Плыла какая-то деревяшка с выпученными глазами мимо их прогулочной лодки. Но она допускала, крокодилы едят они очень быстро.

За обедом Неф почему-то подумалось, она ест, как крокодил. И действительно! С ужасающей скоростью она поедала — лук и тыкву, финики и виноград, яблоки и инжир, арбузы и репу... И все с хлебом, с хлебом! Служанки едва успевали подносить к столу все новые и новые блюда. И просто поражались, как в такую худенькую девочку все это влезает!

Наконец, она насытилась. Откинулась на высокую, (специально сделанную, чтоб не сутулилась), спинку стула, зевнула и произнесла царственным тоном:

— Я вами довольна!

Опустила голову на руки. И тут же за столом уснула.

Служанки перенесли ее в спальню. Раздели, укрыли легким льняным покрывалом и долго стояли рядом, впившись в нее глазами.

Во сне Неф была еще красивее.

Главная встреча произошла на следующий день ближе к вечеру. Неф сидела в маленькой беседке, поджав ноги под скамейку. Под потолком, на едва заметном выступе пристроилась уже знакомая пара любопытных воробьев. Они просто сгорали от нетерпения.

Длинные тени от высоких пирамидальных сосен тянулись через весь сад резкими, темными полосами и казались нарисованными.

Еще задолго до окончания ужина, Неф услышала знакомый топот ног по дорожке.

В беседку вошел Эйе. Стукнулся по привычке головой о притолоку, но даже не заметил этого. Он, не отрываясь, смотрел на Неф.

Нависла гнетущая пауза.

— Ква-ква! — пискнула Неф. Так, на всякий случай.

Эйе отрицательно помотал головой и, тяжело вздохнув, опустил на скамейку напротив Неф.

— Это не ты, лягушонок! — со всей прямоотой, заявил Эйе. Еще раз помотал головой и добавил. — Тебя подменили.

— А так...

Неф засунула мизинцы в рот, растянула его в разные стороны и, как могла, выпучила глаза.

Пара воробьев под крышей беседки возмущенно зачирикали.

— Так...получше... — неуверенно сказал Эйе. Но сомнение в его голосе все-таки осталось.

«Я люблю тебя!» — чуть не вырвалось у Неф. «Любила всегда! Еще до своего рождения! И буду любить вечно!».

Но вместо этого она сказала:

— У тебя очень усталый вид.

Эйе смотрел на нее во все глаза. Лицо его менялось ежесекундно. Но совсем не так, как бывало, когда он корчил забавные рожи.

— Послушай, Неф! — каким-то незнакомым, почти официальным тоном сказал Эйе. — Ты уже совсем взрослая. Теперь у нас будут другие отношения.

— Хорошо! — послушно кивнула Неф. — Будет, как скажешь.

А сама подумала: «Будет так, как решила я!».

Другое дело Крикла. Она узнала бы Неф, даже если бы та переделалась в эфиопку. Еще утром она все оценила по достоинству.

— Лягушонок! Ты что с собой наделала-а! — вскричала она, в ужасе всплеснув руками. — Кто это тебя... так?

Мгновенно сообразила, «кто ее так!». И тут же перешла на свой родной, нубийский язык.

— Трын, туру, тын, этому Нахту! Трум, бум, туру, дык!

— Что значит, «туру, тын, дык»? — поинтересовалась Неф.

Крикла как-то странно дернулась и покраснела.

— Вырастешь, узнаешь! — отрезала она.

— А «Таратумбия»? — спросила Неф.

— Еще хуже. — пробормотала Крикла и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Неф не настаивала, хотя ей очень хотелось знать, что означает «Таратумбия». В поместье уже очень многие так выражались.

Встретилась Неф и с Хотепом. Специально подкараулила его у большого пруда. Он шел с удочкой в руках и смотрел себе под ноги.

Неф вышла из-за дерева и встала на его пути. Хотеп поднял глаза и, естественно, остановился, как вкопанный.

Хотеп сильно изменился за это время. Подрос и стал совсем какой-то непропорциональный. Худые, очень тонкие ноги. Длинное, узкое, как у лошади, лицо с выдающимся вперед подбородком. Большой нос и крупный рот с отвислой нижней губой.

Но глаза, глаза стали совсем другими. В них появилось что-то новое... Какая-то затаенная грусть, что ли.

Некоторое время оба молчали. Рассматривали друг друга.

На дорожках вокруг пруда в этот час не было ни души. Только пара проворных воробьев с соседнего куста о чем-то громко и настойчиво чирикали. Явно предупреждали Неф об опасности.

— Ты все еще... злишься на меня? — опустив глаза и чуть отвернувшись в сторону, спросил Хотеп.

— Что ты! Я забыла давным-давно! — с готовностью соврала Неф. Она, действительно, уже давно хотела его простить. Все как-то подходящего случая не было.

Опять оба долго молчали. Воробьи на кусте замерли в ожидании.

— Я пойду? — неуверенно спросил Хотеп.

Неф пожала плечами и отступила чуть в сторону. Хотеп, не оглядываясь, пошел к пруду. Ходил он тоже довольно странно. Передвигался на своих тонких, длинных ногах, будто на ходулях.

Неф смотрела ему вслед и вдруг ей стало его безумно жалко. До слез. Подобное чувство она испытала только раз в жизни, когда увидела молодого пса с перебитыми задними лапами. Пес был совсем молодой и веселый. Он все пытался присоединиться к своре играющих щенков и не мог. Не мог угнаться за ними.

4

В четырнадцатом веке, (до Новой эры!), в Египте непосредственно само Время вело себя чрезвычайно своеобразно. То горячим арабским скакуном неслось вскачь, только минуты искрами вылетали из-под копыт, то ползло медленнее самой ленивой черепахи. Иные дни тянулись явно больше недели, другие мелькали быстрее взмаха ресниц.

Впрочем, египтяне мало обращали внимания на него.

Время текло само по себе, люди жили сами по себе. Строили речные суда и храмы, возделывали поля и добывали в горах руду, выходили замуж, женились, рожали детей и уходили в другой мир. В мир теней. И были убеждены, дети появляются тоже из того мира. Одни уходят, другие приходят. Это в порядке вещей.

И регулируют эти потоки сами Боги.

Каждое посещение Главного храма, хранилища папирусов, приносило Неф все новые и новые открытия. Она абсолютно четко поняла, в ее стране престолонаследие передается исключительно по женской линии. Вот так! Но главным, все-таки, является фараон.

Во время самого последнего посещения храма, Неф сделала просто ошеломляющее открытие! Единственной законной наследницей трона фараонов является она, это ясно. Но чтоб взойти на трон она должна выйти замуж. И не за какого-то там, первого встречного. Она должна выйти замуж ...за Хотепа!?

Неф гнала свою маленькую колесницу по пыльных улицам Фив. Что есть силы хлопала бичом в воздухе и резвая кобылка неслась во весь опор. Прохожие в испуге шарахались в стороны и удивленно покачивали головами. Охранники-эфиопы, как ни старались, на своих неуклюжих, громоздких колесницах никак не могли угнаться за ней.

Эйе дал ей несколько уроков и, увидев как она ловко управляет с лошадью и колесницей, разрешил выезжать одной.

Неф все погоняла и погоняла свою резвую кобылку. И только когда уже последние жалкие пригородные лачуги остались далеко позади и колесница, свернув с дороги, выехала в открытое поле, она бросила поводья. Закрыла лицо руками, ссутулившись, уткнулась себе в колени и горько заплакала...

Подъехавшие охранники притормозили колесницы и, услышав рыдания подопечной, отъехали чуть в сторону, не решившись приблизиться. В конце концов в их обязанности входило оберегать ее жизнь, а не разбираться в тонкостях душевных переживаний юной девушки.

Резвая кобылка еще некоторое время топала по полю, замедляя шаг, потом, скосила глаза на хозяйку и вовсе остановилась. Долго и шумно фыркала, вздыхала. Потом принялась щипать молодую траву.

Неф, не поднимая головы, плакала. Еще никогда в жизни ей не было так больно и обидно. Плечи ее сотрясали уже не детские рыдания.

В тот же вечер у нее состоялось последнее тайное свидание с Эйе в маленькой беседке.

— Я все знаю... — с тоской в голосе, сказала Неф. — Я должна выйти замуж за Хотепа! Оказывается, он единственный сын последнего фараона Аменхотепа третьего.

Эйе кивнул. Но смотрел он почему-то в сторону.

— Но я не люблю его! — пожаловалась Неф. И уже со слезами в голосе, добавила. — Я люблю совсем другого...человека!

Неф подняла на него свои красивые глаза.

Эйе покраснел. С ним такого никогда не было. И быть не могло. Еще в далеком детстве Неф слышала, как он растолковывал Крикле, почему он просто физически не может краснеть. Вовсе не потому, что такой нахальный. Просто сосуды на лице у него так расположены. Ну, не может он краснеть, хоть тресни.

А тут... Все его лицо, до самых корней волос, покрылось красной краской, а на глазах появились слезы. Он вскочил со скамьи и подошел к выходу из беседки. Но не ушел. Так и стоял, не оборачиваясь.

На сад стремительно опустились сумерки. Заверещали цикады. Казалось, весь сад заполнен только ими. Вокруг не было слышно ни звука. Только оглушительное верещание цикад.

— Запомни...Неф! — наконец сказал Эйе. — У тебя есть друг. Я всегда буду рядом.

— Ты мне не друг! — резко сказала, почти выкрикнула Неф.

Эйе очень долго молчал. Оглушительно верещали цикады, волнами накатывая по всему саду.

Во всем мире не было ни души. Только Неф и Эйе.

Неф сидела на скамейке, поджав ноги, и смотрела в пол. Эйе неподвижно застыл у выхода и боялся повернуться, чтоб посмотреть на нее.

Когда уже невозможно было дальше молчать, он тяжело вздохнул и, не оборачиваясь, проговорил глухим голосом:

— Есть еще двое-трое, на которых ты можешь положиться...

— Ты мне не друг! — повторила Неф.

Эйе словно не слышал. Или только делал вид, что не слышит.

— Очень надежные люди. Все были преданы твоему отцу.

— Ты мне не друг! — упрямо твердила Неф.

— Скоро тебе предстоит взойти на престол. Ты должна...

— Это когда еще будет... — уныло протянула Неф. При этом она как-то раздраженно передернула плечами.

— Это... — с ударением произнес Эйе. — ...произойдет раньше, чем ты предполагаешь. Как твой друг, предупреждаю...

— Ты не можешь быть мне другом!! — резко вскинулась Неф. — Ненавижу это слово!!!

Эйе помотал головой и стремительно выскочил из беседки. Из сада были слышны его удаляющиеся шаги по тропинке.

Неф порывисто вскочила со скамейки, подбежала в выходу и, глотая слезы, закричала в темноту сада:

— Ты мне не друг!!!

Но Эйе не вернулся. Неф медленно сползла на пол беседки и долго рыдала, вытирая ладонями слезы, непрерывным потоком льющиеся по ее красивому лицу. Даже вся в слезах она была прекрасна.

Наследнице трона фараонов было уже двенадцать с половиной лет.

Назначенный Верховными жрецами Временный наместник в Фивах, по сути, правитель всего Египта, за-немог. Уже не вставал со своего ложа. Не мог даже

подписывать царские Указы, которые ему подсовывали жрецы. И неудивительно. Старцу было...ого-го!..сколько лет. Никто и не знал в точности, сколько именно.

Вызванный срочно врач Нахт, быстро осмотрел больного. Пощупал, постучал, тут и там, и ничего не сказал. Даже никаких лекарств не прописал. Уже на выходе Верховные жрецы обступили его плотным кольцом и потребовали дать диагноз и прогноз.

Нахт только выразительно кивнул вверх. Мол, обращайтесь непосредственно к Богам. Это уже по их ведомству.

Сел в свою колесницу и уехал.

На следующий день Главный жрец, Панехси, собрал всех сановников у себя в Главном храме. Полагалось наиболее важные вопросы для судеб страны решать, якобы, всем вместе.

Высшие сановники не заставили себя долго ждать. Уже к полудню собрались в Главном храме. Кучковались перед лестницей, ведущей к большому жертвеннику.

И сразу разделились на две, явно враждебные друг другу, группы. Как-то так само собой получилось.

Одна группа состояла из самого Панехси, всех Верховных жрецов и жрецов рангом пониже. Маленький, лысый, щуплый Панехси, очевидно, чтоб хотя бы визуально прибавить себе значительности, справа и слева от себя постоянно держал двух слуг, еще более низкорослых. Со стороны эта троица производила довольно комичное впечатление. Эдакая надутая группа карликов.

Она не внушала окружающим ни малейшего почтения или законного уважения.

Другая группа окружила Эйе и его сподвижников. В ней выделялись такие яркие личности, как начальник стражи Маху, хранитель печати и казны Маи. И другие, не менее влиятельные сановники и военачальники.

Они так и стояли друг против друга. Их разделяла только узкая полозка, ведущая как раз к лестнице, на которой перед жертвенником стоял, кем-то услужливо заготовленный трон.

Всех изумил зодчий Пареннефер. Его высокая, как жердь фигура, неожиданно появилась в проеме центральной двери и несколько секунд раскачивалась там будто от ветра. Постороннему могло показаться, Главный зодчий страны просто сильно пьян, но было заблуждением.

Во-первых, не было еще и полудня, а зодчий Пареннефер, хоть и пил ежедневно и в огромных количествах, начинал всегда исключительно после обеда.

Во-вторых, архитектор покачивался всегда, даже когда был абсолютно трезв, как стекла в его изумительном по красоте и легкости особняке, насквозь прозрачному и воздушному. Привычка у него была такая, своеобразная. Покачиваться с пятки на носок, с пятки на носок. Или из стороны в сторону, вправо влево.

Обычно на вопрос, почему он постоянно раскачивается, как одинокая сосна на ветру, Пареннефер отвечал:

— Так легче думается!

Чем озадачивал окружающих еще больше. Просто ставил в тупик. Впрочем, люди творческие, все слегка того... Не от мира сего.

Практически все храмы, здания и сооружения в Фивах были созданы по проектам Пареннефера. Он и вел себя в городе как в своей личной усадьбе. Мог запросто войти в любой дом и, не обращая внимания на хозяев, упереться взглядом в потолок или какую-нибудь стену, покачаться несколько секунд, скорчить недовольную гримасу и, молча, выйти вон.

Главный зодчий никогда не примыкал ни к каким группировкам. Оно и неудивительно. Архитекторы народ творческий. Мыслят широкими категориями, историческими. Кем бы там не был новый фараон, храмы, дворцы и личные усадьбы ему тоже понадобятся. Стало быть, без Пареннефера никак не обойтись.

Пареннефер был лучшим из лучших. Это признавали даже его недруги, все остальные архитекторы Фив. Возможно потому, осознавая свою исключительность, он никогда не занимался политикой.

Пареннефер, покачавшись в проеме центральной двери положенное время, решительно кашлянул, явно чтоб обратить на себя внимание, и твердым шагом направился к Эйе.

Встал рядом с ним плечом к плечу. И даже раскачиваться перестал.

Присутствующие разом поняли, это серьезно.

В это мгновение на ступеньки лестницы поднялся Главный жрец Панехси. В контрасте с маленьким ростом и худощавостью, он обладал низким и мощным го-

лосом. Но даже это не прибавляло ему солидности и внушительности.

Со скорбным выражением лица, он сообщил присутствующим:

— Нам всем вместе предстоит принять непростое, я бы даже сказал, судьбоносное решение! Возможно...

Панехси развел руками в стороны и горестно вздохнул.

— ...даже придется пойти на непопулярные меры, в отношении некоторых лиц, которые постоянно выступают против...

...Но тут вперед выступил Эйе. Он поднялся на ступеньки и встал рядом с Главным жрецом Панехси. Что само по себе уже было дерзким вызовом. Эйе, как минимум, был на три головы выше жреца.

Панехси хотел было продолжить, но Эйе мягко отодвинул его в сторону и решительно заявил собранию:

— Хватит передавать Верховную власть в стране из одних дряблых старческих рук в другие. Такие же старческие и дряблые! Египту сейчас как никогда нужна крепкая рука! Твердая власть!

Тут опять вперед выступил Панехси и, возвысив голос, заявил, чтоб никто из присутствующих не смел слушать этого бунтаря! Боги давно уже прокляли этого безбожника. И наказание его только дело времени!

Эйе опять мягко, отодвинул Панехси в сторону и громко заявил:

— Очевидно, в голове у Главного жреца завелись зловредные демоны, которые мешают ему нормально мыслить. Я могу помочь Главному жрецу. Могу сделать

ему дырку в голове, чтоб зловредные демоны оттуда вылезли!

— Не слушайте его! — закричал трубным голосом Панехси.

Но Эйе тоже возвысил голос, а он у него тоже был отнюдь не писклявый, очень даже громкий. И повелевавший.

— Хватит кивать на Богов! — рявкнул Эйе во всю силу своих легких. — Боги дали нам, людям, законы! Пора начать эти законы соблюдать! Есть законная наследница трона! Царевна Нефертити! Все это отлично знают!

Эйе сделал шаг вперед и совсем загородил Панехси своей могучей фигурой. Голос его звучал под сводами храма, как гром небесный.

— Через неделю законная наследница выходит замуж...

Тут Эйе намеренно сделал долгую паузу.

Все затаили дыхание. Наступила оглушительная тишина.

— ...замуж за...сына Аменхотепа третьего. Как и положено по закону. За сына последнего законного фараона Египта!

Ответом ему было долгое молчание.

Эйе обвел тяжелым взглядом всех присутствующих. Особенно пристально он всматривался в лица сторонников Главного жреца, но ни один из них, даже сам Панехси, не рискнул что-либо возразить Главному начальнику конницы всего Египта.

В Фивах повсюду развернулись работы. Сносились скульптуры прежнего наместника, готовились постаменты для нового фараона и его жены. Как только чуть спадала жара, сотни строителей, скульпторов, просто чернорабочих сновали по всему городу. Спорили до хрипоты, размахивали руками, кричали друг на друга и, конечно, на бесконечно ленивых рабов.

Ржание лошадей, щелканье бичей, мычание мулов...Словом, жители Фив надолго потеряли покой. И разумеется сон.

Неф застала скульптора Тутмеса за довольно странным занятием. Привязав к длинной палке яркую тряпку, он гонял ею по мастерской двух воробьев. Те явно не желали вылетать на улицу, ловко увертывались и перелетали под высоким потолком из одного угла в другой.

— Кыш, проклятые! Кы-ыш! — шипел Тутмес, яростно размахивая палкой. Он явно вошел в раж, даже не заметил появления Неф.

— Что ты делаешь? — удивилась она.

— Да, вот... Мерзавцы! — виновато пожал плечами Тутмес. И устало вытер со лба пот.

— Чем они тебе помешали?

— Извини, царица! Не виноват. Эти два мерзавца гадят на голову твоего избранника. Гадят и гадят. Я не виноват.

Неф посмотрела туда, куда указывал палкой Тутмес и весело засмеялась. Она увидела две внушительные монументальные скульптуры. Её и Хотепа. Голова Хоте-

па и впрямь была сплошь загажена воробьями. Ее скульптура отличалась девственной чистотой.

Неф продолжала весело смеяться. Тутмес был мрачнее тучи.

— Я не виноват! — еще раз повторил скульптор.

Неф внимательно осмотрела скульптуры. Она сама почему-то (!?) была похожа на богиню плодородия Исиду, Хотеп же больше смахивал на Эйе, чем на самого себя.

— Не годится. — со вздохом, сказала Неф.

— Почему? — изумился Тутмес. — По всем канонам...

— Плохо, что по канонам. — грустно сказала Неф. Посмотрела на Тутмеса и спросила. — У тебя на щеке что? Родинка?

— Знак гениальности. — скромно подтвердил Тутмес.

Неф кивнула и опять повернулась к скульптурам.

— А у них ничего нет. Почему? — наивно спросила она. — Ни морщинок, ни родинок, ни...даже веснушек. Они какие-то...уже мертвые! А я-то живая. И Хотеп живой. Мы не Боги. Мы оба живые люди. Сделай нас такими, какие мы есть!

— Народ не поймет! — убежденно сказал Тутмес.

— Народ...это ты...я...он... — Неф кивнула на скульптуру Хотепа. — Это Крикла...Нахт...служанки...все! Даже рабы, тоже народ.

Тутмес молчал. Подобное нельзя было произносить вслух. Но, как и все жители Фив, он уже почувствовал, надвигаются большие перемены. Впервые за долгие годы Тутмес улыбнулся и кивнул.

Уже на самом пороге мастерской Неф обернулась.

— Не обижай маленьких!

Она кивнула наверх, где под самым потолком на верхней полке стеллажа, нахохлившись, притаилась пара пернатых воителей.

Неф улыбнулась и помахала Тутмесу ручкой.

Аменхотеп и Нефертити сидели на тронах в красочных нарядах. Синий головной убор на Неф с вплетенной в него золотой коброй, из-под которого струились по шее две красные ленты, и жгуче-черный длинный парик только подчеркивали ее незаурядную красоту. На плечах царицы лежало разноцветное ожерелье из золота и самоцветов.

Хотеп держал в руках два символа власти: скипетр и плеть.

Чуть сзади Неф стоял Эйе. Рядом с Хотепом начальник стражи Маху. Справа и слева расположились, согласно субординации, остальные высшие сановники. Все в парадных одеждах.

Уже пора было начинать церемонию, но Эйе все медлил. Он стремительно ходил по залу и смотрел на группу сановников с разных точек. Его не устраивала общая композиция, она явно «заваливалась» вправо. Пришлось рядом с коротышкой Маху, поставить длинного, высокого зодчего Пареннефера. Для равновесия.

Музыкантши с сестрами и многочисленные слуги замерли в напряженном ожидании. Эйе встал рядом с Неф и хлопнул в ладоши.

Толпа на центральной площади, ожидавшая торжественного выхода нового фараона и его красавицы жены из Главного храма, стала свидетелем незначительного, но неприятного происшествия. Седобородые старцы, старожилы Фив, помнившие назубок все приметы, сочли это дурным предзнаменованием.

Вся главная лестница была усыпана пшеничными зернами. Такой в Фивах был обычай, посыпать дорогу новобрачным зернами. Естественно, не обошлось без воробьев. Целая стая проворных пернатых расположилась на ступенях и пировала на ней с криками и стычками между собой.

Черный коршун, привычно паривший над центром Фив, внезапно камнем ринулся вниз и стайка воробьев на центральной лестнице рассыпалась в разные стороны по кустам. Только один, самый нерасторопный не успел скрыться. Вернее, это была Она.

Толпа любопытных, дружно задравшая головы вверх, успела заметить, как черный коршун схватил мертвой хваткой когтистых лап маленького воробья, и тут же, сильно взмахнув мощными крыльями, почти вертикально взмыл вверх. На головы любопытных, медленно кружась, опустились лишь несколько маленьких воробьиных перьев.

Наиболее внимательные успели разглядеть, как черного коршуна с пронзительным чириканьем высоко в небе преследовал второй воробей, но развязку этой маленькой драмы не видел никто.

На ступенях лестницы появились молодой фараон Аменхотеп четвертый и его красавица жена Нефертити.

Торжественный кортеж колесниц стремительно мчался по улицам. Первой шла парадная трехосная колесница, вся обтянутая кожей, украшенная позолотой и росписью, усыпанная драгоценными камнями.

Лошадьми правил сам Эйе. Нефертити и Аменхотеп стояли чуть сзади и приветствовали толпы горожан, высыпавших на улицы, несмотря на нестерпимое солнце и ужасающий зной.

Ремесленники и рыбаки, крестьяне с окрестных полей и слуги зажиточных вельмож, рабы всех мастей кидали под колеса колесниц цветы и кричали охрипшими голосами:

— Слава-а...Великому-у Аменхотепу-у...Сыну...Ра-а!!!

С противоположной стороны волнами накатывало:

— Слава-а...Царице-е...Нефертити-и-и!!!

На поворотах парадная трехосная колесница уходила далеко вперед и некоторое время мчалась в гордом одиночестве по пыльным улицам столицы. Стражники, соединив свои длинные копья в барьер, с трудом сдерживали ликующую толпу.

5

Основные торжества развернулись в поместье Эйе. Несколько дней специально нанятые плотники сколачивали праздничный стол.

Ах, какой знатный получился стол! Бесконечной длины, изящества и устойчивости. Чудо-стол! Произведение искусства. Его явно стоило занести в папирус рекордов Египта.

Начинался он у ступенек зала для торжественных приемов, тянулся через весь сад, плавно огибая широкой лентой пруды и беседки, и дальше, извиваясь, с небольшими перерывами терялся уже где-то там, у хижин прислуги и рабов. Возможно, он не заканчивался и там.

Места хватило всем. Вина и угощений заготовили с расчетом как минимум на неделю. Десятки поваров, не покладая рук, в поте лица, пекли, жарили, готовили самые изысканные блюда и закуски.

Все поместье превратилось в гигантский муравейник, в котором служанки и повара бесконечно сновали по разным направлениям и, казалось, приготовления к свадебному ужину не закончатся никогда.

Но всему, как известно, приходит конец. Он, в свою очередь, является началом. Потому, тысячу раз правы седобородые старцы, старожилы Фив, когда, хитро прищурившись, вопрошают: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?». В мире все взаимосвязано. Одно вытекает из другого, является началом и концом одновременно.

На ступеньках зала для торжественных приемов появился озабоченный, одетый в парадные одежды Эйе. К нему подбежал один из охранников и что-то прошептал на ухо.

Эйе кивнул и трижды громко хлопнул в ладоши.

Мгновенно во всем поместье наступила тишина. Был слышен даже лай собак, доносился из-за ограды с соседнего участка из поместья зодчего Пареннефера.

В этот момент к центральным воротам, одна за другой, начали подкатывать роскошно украшенные колесницы с гостями.

Все смешалось в поместье Эйе. Кто не пил, тот ел. Кто не делал ни того, ни другого, орал во все горло песни. Или танцевал. С кем-нибудь или даже в одиночку.

На коленях у многих подвыпивших мужей уже сидели служанки или чужие рабыни. А сами мужья не замечали или не хотели замечать, что их жены строят глазки или откровенно обнимаются с подчас вовсе неизвестными мужчинами.

Отовсюду неслись звуки многочисленных музыкальных инструментов. Оркестры вовсю старались переиграть друг друга. Им вторили на все лады пьяные голоса. Вино лилось рекой. Все одновременно кричали и никто никого не слушал.

В самый разгар пиршества, Неф исчезла. Но никто не обратил на это никакого внимания. Все были уже абсолютно пьяны.

Через полчаса к Эйе, сидевшему в окружении друзей за центральным столом подошла служанка Неф и начала, выразительно вращая глазами, незаметными жестами отзывать его в сторону.

Эйе удивленно вскинул брови. В его доме прислуга такого себе не позволяла. Он хотел рявкнуть на нахальную служанку, но та продолжала вращать глазами, явно выманивая его из-за стола.

Эйе обвел глазами гостей. И не увидел Неф.

На почетном месте сидел только Хотеп. Подперев голову руками, он пьяными глазами смотрел перед собой в одну точку. За ним явно не уследили. Всем было известно, сыну последнего фараона Аменхотепа третьего нельзя спиртного. Ни капли.

Эйе вышел из-за стола, подошел к служанке. Та приподнялась на цыпочки и что-то прошептала ему в самое ухо. Эйе удивленно вскинулся, наклонившись, что-то быстро переспросил у нее. Служанка пожала плечами и растворилась в толпе гостей, которые, разбившись по парам, начали буйные танцы прямо у стола.

Эйе еще раз оглянулся по сторонам и быстро направился в самую удаленную часть сада.

На окраине поместья доживала свой век старая, заброшенная конюшня. Сюда со всего поместья стаскивали, пришедшие в негодность предметы. Чего здесь только не было!

Сломанная мебель, треснувшие колеса колесниц, горы стоптанных сандалий, кучи тряпья, оставшиеся после строительства плиты известняка и еще множество самого разнообразного хлама.

Посреди конюшни в рост человека почему-то возвышался стог сена, очевидно, кем-то из работников конюшен оставленный до лучших времен. Под потолком обитали дикие голуби. Их воркование Эйе услышал сразу войдя в конюшню.

Темень стояла беспросветная. Но Эйе сразу почувствовал, он здесь не один. Сделал пару шагов вперед и услышал тихий голос Неф.

— Я здесь...Справа от тебя!

Он повернул голову направо, но ничего не смог разглядеть. Услышал только прерывистое дыхание своей воспитанницы.

— Подойди ко мне!

— Что ты здесь делаешь, Неф? — шепотом спросил Эйе. Спросил и сам удивился. Он никогда, ни в каких ситуациях не разговаривал шепотом. Но сейчас...

— Протяни руку! Я совсем рядом!

Эйе вытянул руку. И тут же ощутил в ней холодную ладонь Неф.

И в это мгновение на поместье налетел ужасающий южный смерч. С завыванием, гулом и свистом, он закачал кронами деревьев, зашевелил кустами, разметал по праздничному столу салфетки, букеты цветов, опрокинул кувшины с вином, взлохматил старательно уложенные прически женщин и, с глухим воем, закрутил все видимое вокруг в каком-то неистовом и яростном хороводе.

Визг женщин, хохот пьяных мужчин, тревожное ржание лошадей в стойлах, мычание быков и коров, громкое пение музыкантов, все переплелось в невообразимую симфонию, которую никто из присутствующих никогда еще не слышал. Да и не мог слышать. Такой смерч встречается крайне редко. О нем вспоминают всю жизнь.

Такого смерча не помнили даже старожилы Фив, седобородые старцы. Хотя, если совсем начистоту, старожилы для того и существуют, чтобы чего-нибудь не помнить.

Над крышей заброшенной конюшни смерч кружил особенно рьяно. Гудел, постанывал, пел на разные го-

лоса в стропилах и вскрикивал раненой чайкой в маленьких слуховых окошках.

Южный смерч стих так же внезапно, как и налетел. Гости начали приводить себя в порядок и, хохоча, показывали друг на друга пальцами. Вид у всех был далеко не торжественный.

Рабы и слуги опять засуетились, начали приводить в порядок праздничный стол. Появились кувшины, полные вина, новые, диковинные блюда. Оркестры с еще большим усердием грянули музыку.

Если б кто-то из многочисленных гостей или слуг, случайно забрел на окраину поместья, и в темноте наткнулся на старую заброшенную конюшню, то, подойдя поближе, он услышал бы голоса:

— Лягушонок! Прости. Я подлая тварь!

— Мой ласковый и нежный Эйе. Я люблю тебя! Любила еще до своего рождения...

— Отруби мне руку. Какую хочешь. Правую или левую. Пусть все знают, кто я такой...

— Буду любить, пока дышу...

— Подлая тварь. Нет мне прощения...

Голоса постепенно стихали, превращаясь в невнятное бормотание. Изредка только можно было расслышать счастливый девичий смех. Слава Богам, никому из гостей или слуг, в ту ночь и в голову не пришло шататься по окраинам поместья.

Все были захвачены водоворотом празднования свадьбы наследницы трона фараонов, несравненной красавицы Нефертити и ее молодого мужа, фараона Аменхотепа четвертого.

На следующий день Нефертити собрала «большую четверку». В свою резиденцию она пригласила начальника конницы Эйе, начальника стражи Маху, главного зодчего Пареннефера и хранителя печати Маи.

Все собрались в точно назначенное время. Все, кроме Маху. Тот почему-то не пришел.

Неф страшно волновалась. Она подглядывала за взрослыми мужчинами из-за занавески и пыталась подслушать, о чем они будут говорить до ее появления...

Некоторое время сановники молчали. Настороженно поглядывали друг на друга, вздыхали, пожимали плечами. Все были явно не в своей тарелке. Первым не выдержал Хранитель печати и казны Маи. Его сиплый голос можно было узнать из тысячи других.

— Жрецы совсем распустились! — рубанул он с плеча. — Половину налогов захапывают! Большую половину! — он выразительно поднял вверх указательный палец. Помолчал и многозначительно просипел, — Теперь спрашивается, на что содержать государство?

— Все подвалы Главного храма ломаются от золота и украшений. Я-то знаю... — сообщил Главный зодчий Пареннефер. — Нет, все хапают, хапают...

— У нас в Египте две беды! Жрецы и дороги!

Это уже Эйе не выдержал, поддержал разговор.

— ...Тромбовать надо! И тех, и других! — жестко закончил он. Эйе всегда был сторонником решительных действий.

— Новый храм опять хотят строить. — пожаловался зодчий Пареннефер. — Мало им десяти в Фивах. И все ремонта требуют. Я-то знаю. Нет, им еще новый подавай.

Вбежал запыхавшийся Маху, начальник стражи. Весь потный, маленький, круглый, как бегемотик. Те, кто видел его впервые, невольно улыбались. Казалось, Маху воплощение доброты и безобидности. Но те, кто знал его хоть чуточку ближе, были совсем другого мнения.

Маху был жестким, даже жестоким. Когда начинал злиться, лицо его краснело, потом багровело. Казалось, он вот-вот лопнет от ярости. Даже самый бесстрашный человек в Египте, великан Эйе, и тот, внутри опасался гнева этого маленького человека. Хоть тот и был ему по пояс.

Коротышка Маху в своем доме завел какие-то просто деспотические порядки. Три его законных жены, (одна крупнее другой!), ходили перед ним по струнке. Терпеливо соглашались с любой глупостью и постоянно кланялись до пола, что было уж совсем дикостью, свойственной только варварским племенам.

Самое поразительное, жены меж собой отлично ладили. Скандалы в доме Маху случались крайне редко. Но уж если происходили, отличались размахом и незаурядной громкостью. С криками, слезами и битьем кувшинов об пол и стены.

Обычно, на следующее утро, после побоища, местный гончар без приглашения прикатывал свою тележку к дому Маху с новыми кувшинам и блюдами. Каждый раз он появлялся очень во время, поскольку после подобных сцен, посуды в доме не оставалось вовсе.

Одержимый идеей о жестком порядке во всей Империи, Маху в своем доме давно внедрил военную дис-

циплину. По утрам все семейство, включая трех жен, детей, рабов, служанок и наемных работников, выстраивалось на переключку. То же самое вечером, перед отбоем. И горе было тому, кто на нее не являлся или просто опаздывал. Никакие оправдания в расчет не принимались. Маху наказывал всех направо и налево. И наказывал, негодяй, изобретательно.

Коротышка Маху любил поесть. Хорошо поесть. Но приглашать гостей терпеть не мог. Предпочитал в одиночестве наслаждаться кулинарными изысками своих поваров.

Стоило любому из домочадцев совершить малейшую оплошность, Маху сажал провинившегося на неделю на хлеб и воду. По истечении срока, ставил нарушителя перед своим необъятным столом и в его присутствии с азартом поглощал бесконечное количество блюд.

Отменялось наказание только когда провинившийся падал в обморок. Разумеется, служанки, рабыни или жены, частенько симулировали голодные обмороки, но провести Маху было невозможно. Безошибочно распознав симулянта, он удваивал наказание еще на неделю. И так до бесконечности, пока провинившийся не осознавал проступок в полном объеме и не падал в обморок со всей ответственностью.

О подобном изуверстве начальника стражи Маху в Фивах рассказывали со страхом и возмущением. Все-таки, четырнадцатый век на дворе. Хоть и до Новой эры, но все-таки, не какие-то каменные джунгли.

Домашние Маху не роптали, принимали самодурство хозяина как должное. А женщинам, кстати, изредка поголодать только на пользу.

Справедливости ради, стоит заметить, никто из домашних Маху не отличался стройностью фигуры. Рабы и рабыни, охранники и служанки, все, как на подбор, были плотными, коротконогими, чем-то неуловимо похожими на хозяина. В толпе на улице домашних Маху можно было безошибочно узнать со спины. По походке. Все как один, переваливались с боку на бок, косолапили, как хозяин и вечно куда-то торопились. Иногда казалось, просто передразнивали походку хозяина.

Маху сходу начал рассказывать сказку, как он на своей колеснице застрял в канаве, и как чьи-то, вконец обнаглевшие рабы, отказались его толкать. На том основании, что они, якобы, не понимают по-египетски. Эту сказку он рассказывал каждый раз, когда опаздывал. А опаздывал он всегда. И все ее знали наизусть.

— Любопытно, чьи это рабы? — вопрошал Маху. — Надо разобраться! Разгуливают по городу. Одни, без надсмотрщика. Рожи у всех наглые...

Все дружно закивали головами. Действительно, с рабами давно пора разобраться.

И тут из-за занавески вышла Нефертити.

Прямо на ходу, еще не дойдя до трона, Неф произнесла фразу, которая станет стержнем ее поведения на годы вперед. Эта фраза еще долго будет передаваться из уст в уста по городам и провинциям Египта. Неф произнесла эту фразу абсолютно будничным тоном, чем повергла четырех взрослых, искушенных в жизни мужчин, в настоящий шок.

Нефертити сказала:

— Наш фараон Аменхотеп в ближайшее время будет занят поиском египетской национальной идеи, которая сможет объединить нашу бедную, раздираемую противоречиями страну.

У четырех мужчин одновременно отвисли челюсти. Откуда им было знать, что Неф несколько дней готовилась к встрече и репетировала эту фразу много раз. С самыми разными интонациями.

Неф остановилась посреди зала у трона и подняла глаза.

— Он будет редко показываться на людях!

Четверо сановников вышли из оцепенения и дружно, понимающе закивали головами.

— Все необходимые вопросы будем решать мы...с вами!

Неф хлопнула в ладоши. Мгновенно и бесшумно появились слуги и поставили четыре удобных скамейки сзади каждого сановника. Так же мгновенно и бесшумно исчезли.

— Прошу садиться!

Никто из мужчин не двинулся с места. Было неслыханным оскорблением, даже преступлением, сидеть в присутствии фараона или его жены царицы.

— Царица Египта Нефертити не просит дважды! — угрожающе зазвенел голосок Неф.

Мужчины с осторожностью и неловкостью, готовые в любой момент вскочить, присели на скамейки. Затаили дыхание.

Неф некоторое время походила взад-вперед, держа руки за спиной. Потом, сильно выдохнув, присела на маленький трон, сцепила руки на коленях. Трон специ-

ально успели сделать чуть меньшего размера, чем обычно. Неф прекрасно смотрелась на его фоне.

Сзади стояли два охранника-эфиопа. Всем было известно, они ни слова не понимали по-египетски. При них можно было говорить совершенно откровенно, не таясь.

— Вот! — чеканя каждое слово, начала Неф. — Несколько декретов нашего фараона Аменхотепа, сына Бога солнца Ра, властителя всего живого в Египте! Декреты подлежат немедленному исполнению!

Неф впиалась своими зелеными глазищами в начальника стражи Маху. Почему-то именно в него. Отчего тот даже заерзал на своей скамейке и начал нервно подергивать головой.

— Бог солнца Ра недоволен жрецами! Фараон Аменхотеп, выполняя волю Бога солнца, отца своего, постановляет...

Мужчины затаили дыхание. Голос Нефертити окреп. Становился все более и более твердым. В нем появились жесткие нотки.

— ...Из десяти храмов Верховных жрецов...девять закрываются...Всем Верховным жрецам в Фивах запрещается покидать свои дома...До особого распоряжения...Молебны, утренние и вечерние, разрешается совершать только в своих жилищах...

Кто их сановников тихо охнул. Зодчий Пареннефер сильно закашлялся и никак не мог остановиться. Только Эйе прекратил его мучения, крепко стукнув кулачищем по спине.

Нефертити продолжала. Ее голосок все набирал силу.

— ...Все ценности из храмов Верховных жрецов, золото и украшения...переходят в казну фараона Аменхотепа, Бога солнца Ра, властителя всего Египта...

Неф ненадолго замолчала. Обвела взглядом всех мужчин, сидящих перед ней. Каждому посмотрела прямо в глаза.

— И последнее! — уже совсем тихо произнесла Неф.

Немного помолчала, собирая последние силы. Потом, потрянув головой, сказала громко и отчетливо:

— Фараон Аменхотеп, сын Бога солнца Ра, властитель всего живого в Египте, отменяет жертвоприношения рабов и животных! Отныне жертвоприношения будут только...цветами и фруктами!

Один из охранников-эфиопов выронил копье. Оно со звоном покатилося по каменному полу и укатилось куда-то за трон.

А все были уверены, эфиопы ни слова не понимают по-египетски.

Нависла тягостная пауза.

Нефертити слегка повернула голову в сторону охранника и чуть заметно кивнула. Перепуганный эфиоп, на цыпочках, подошел сзади к трону, с превеликой осторожностью поднял свое копье и, втянув голову в плечи, опять встал на свое место. Казалось, он вовсе перестал дышать. По его лицу ручьями катился пот.

— Для начала...достаточно! — неожиданно веселым голосом заявила Неф. И трижды хлопнула в ладоши.

Мгновенно появились слуги. Так же мгновенно сановники вскочили со своих скамеек. Прием был окончен.

Мужчины уже пятились спинами к выходу и непрерывно отвешивали царице почтительные поклоны, когда Нефертити, едва заметным жестом руки, приказала начальнику конницы Эйе остаться.

Эйе повиновался. Остальные сановники исчезли.

— Ну! — спросила Неф, как только они остались одни.

— Что? — не понял Эйе. Он действительно, не понял. Или только делал вид, что не понимает.

— Посади меня на колени и скажи «Солнышко»!

Эйе отрицательно замотал головой.

— Садись! — властным тоном приказала Неф. И жестом указала ему на скамейку.

Эйе еще энергичнее, и даже как-то испуганно, помотал головой.

— Я приказываю! — совсем грозным голосом сказала Неф.

— В присутствии царицы имеют право сидеть... — начал бубнить он заунывным голосом, но Неф резко прервала его.

— Садись!!!

Эйе оглянулся по сторонам и, глубоко вздохнув, осторожно опустился на скамейку. Неф подошла и моментально уселась к нему на колени.

— Ну! — повторила она.

— Что? — опять не понял Эйе.

— Поцелуй меня!

— Невозможно...богиня!

— Богиня-а... — разочарованно протянула Неф. — А за спиной называешь меня «лягушонком». Мне докладывают...

— Ни-ког-да! — твердо заявил Эйе. И даже стукнул себя кулаком в грудь. Грудь загудела, как барабан.

— Знаем, знаем...Мне докладывают... — настаивала Неф. — Между прочим, сам говорил. Боги такие же, как мы, только лучше. Значит, ничто человеческое им не чуждо.

Неф сидела у него на коленях, цепко держала его руками за плечи и сверлила своими зелеными глазами. Эйе не выдержал и улыбнулся.

В сопровождении эфиопов, Неф быстро шла по длинным коридорам Главного храма. Поворачивала, то налево, то направо. И когда она, уже спустившись по лестнице, оказалась почти у выхода на улицу, дорогу ей загородил начальник стражи Маху.

Он неожиданно вышел из-за колонны, что-то пряча за спиной. И выглядел он как-то странно. Бегал глазами, застенчиво улыбался.

Неф подумала, сейчас он достанет из-за спины букетик нильских лилий и начнет объясняться в любви. Ей теперь постоянно кто-нибудь объяснялся в тайной любви.

Но Маху достал из-за спины свернутый в трубочку папирус.

— Вот...царица! — сильно выдохнув, пробормотал он. — Посмотри в свободное время!

Маху неловко сунул ей в руки папирус и быстро пошел прочь. Потом еще быстрее вернулся, почти подбежал, и прошептал:

— Насчет...жертвоприношений...ты перегнула...царица!

Маху опять застенчиво улыбнулся и быстро скрылся за колонной. Неф с любопытством развернула папирус и прочла написанное крупными иероглифами... «Как нам обустроить Египет!».

Неф покачала головой и, едва заметно, улыбнулась.

6

Ни один из жрецов не явился на торжества по случаю вступления на трон фараона Аменхотепа Четвертого. Ни один из них никак не выказал своего желания подчиниться новому правителю. Ни один из храмов не был закрыт. Молебны в них совершались, как и прежде.

Все население Фив разделилось на две половины. Одни откровенно ликовали и были готовы поддержать любые начинания молодого фараона. Возлагали к статуям его и царицы Нефертити каждый день цветы. Другие в страхе шарахались от статуй худенького, сутулого фараона с большой головой и отвислой нижней губой. Они никак не могли, да и не хотели принимать новых веяний.

Многие вообще не выходили из домов. Говорили, якобы, видели нескольких рабов, разгуливающих по торговым рядам, в явно нетрезвом виде. Будто, они

дерзко и с вызовом смотрели в глаза каждому встречному. Обстановка в Фивах накалялась.

Неф пообещала «большой четверке» принять решение через три дня. Когда срок истек, она дала распоряжение Маху и Эйе силой привести жрецов в свой Главный дворец.

Стражники Маху и воины Эйе с особым рвением кинулись выполнять распоряжение. Они выволакивали жрецов из домов, везли на колесницах к Главному дворцу и силой вталкивали в Главный зал.

Когда были доставлены все до единого, в зал вошла Нефертити.

Она окинула взглядом кучку жавшихся друг к другу, испуганных жрецов и удивленно подняла красивые брови.

— Разве так приветствуют царицу Египта, жену великого фараона Аменхотепа, сына Бога солнца, властителя всего живого? — спросила она Эйе и Маху. И кивнула головой.

Стражники и воины тут же кинулись на жрецов. Заставляли силой падать ниц перед царицей. Особенно непокорных, они с усердием стучали лбами о каменные плиты.

Только Главный жрец, Панехси, остался стоять на месте. Его стражники и воины побоялись тронуть.

— Что позволено царице, не позволено жрецу! — спокойно сказала Неф, глядя прямо в лицо Панехси.

Эйе одной рукой опустил Панехси на пол. Тот плашмя растянулся на холодных каменных плитах.

Неф подумала и распорядилась:

— Поднимите его...До половины!

Панехси был мгновенно поднят. И поставлен на колени.

Некоторое время Неф молча бродила между распростертыми на полу жрецами, поглядывала на Панехси.

Потом Неф начала задавать вопросы. Ее тонкий, нежный голосок переливался колокольчиком под сводами Главного дворца. Она смотрела на Панехси чистыми, ясными глазами и наивно спрашивала:

— Разве хвост вертит лошадю? Разве копыта решают, куда лошади идти? Разве ноздри у лошади, чтобы слушать, а уши, чтобы дышать? Разве ее глаза смотрят не туда, куда хочет ее хозяин, сидящий в седле?

— Может быть, старая кобыла забыла, в руках у хозяина большая плеть? И он может сменить старую капризную лошадь на молодого и преданного коня?

Неф подошла к Панехси вплотную, поднялась на цыпочки и сняла с него великолепный, расшитый золотом и драгоценными камнями, головной убор.

— Здесь жарко... — пояснила она окружающим.

Последний удар Неф нанесла, сделав перед этим огромную паузу. Пот градом струился по лицу и шее Главного жреца Панехси.

Перед Неф стоял на коленях очень старый, больной, лысый человек. На какое-то мгновение ей даже стало его жалко. Но она тут же вспомнила...своих родителей...

Вот этот самый...старый и лысый человек...приказал...

Неф с большим трудом взяла себя в руки и, лучезарно улыбнувшись, продолжила свою речь:

— Может быть, Главный жрец стал настолько стар, что уже не понимает таких простых истин? Может быть, ему пора удалиться от дел и выращивать репку у себя в огороде?

Слово «репку» Неф произнесла особенно жестко. Прямо с откровенной злостью, четко выговаривая каждую букву.

С этого мгновения в Египте само понятие «выращивать репку» обрело угрожающий смысл. Его старались не произносить вслух.

— Молодой фараон может помочь Панехси...Фараон щедр. У него много плодородных земель. Фараон Аменхотеп может выделить Панехси несколько квадратных метров под огород...Где-нибудь на окраине Египта, чтоб Главного жреца никто не беспокоил...

Неф сделала знак рукой. Два воина подхватили Панехси под руки и поволокли на улицу. Там бросили в колесницу и под охраной отправили домой.

Всю дорогу до дома Панехси невнятно бормотал:

— Жрец в Египте, больше чем жрец...Я подниму народ...

— Народ за Панехси...Бойтесь египетского бунта, бессмысленного и беспощадного!

Но его никто не слушал. У дома Главного жреца поставили двоих стражников. Им было приказано, никого не впускать и никого не выпускать. За исключением одной служанки, уже много лет прислуживающей Главному жрецу.

В тот же вечер Неф неожиданно вернулась из своего дворца в поместье Эйе. Она ворвалась в спальню Криклы, (та сидела на постели и расчесывала свои необъятные волосы), и бросилась ей на шею.

Крикла ничуть не удивилась. Отложила в сторону гребень, прижала к себе Неф и начала ее тихонько укачивать.

— Расскажи мне сказку... — всхлипнув, попросила Неф.

Крикла опять ничуть не удивилась.

— «В некотором царстве...в некотором государстве...» — начала она задумчиво. — «Жили-были...один нубиец со своею нубийкой...».

Обстановка в Фивах, да и по всей стране, продолжала накаляться. Все общество уже резко разделилось на два враждующих лагеря. Еще вчера добрые соседи и доброжелательные друзья, вдруг оказались по разные стороны баррикад. С ненавистью и злобой, одни проклинали молодого фараона и его «реформы», другие, с не меньшей непримиримостью, отрицали весь прежний уклад жизни.

Еще недавно, ночами Фивы были веселым и праздничным городом. Люди веселились, пили, пели песни, гуляли по широким улицам и любовались бесконечно-прекрасным звездным небом над их головами.

Сегодня же, с наступлением сумерек, улицы и переулки вымирали. В городе появились «лазутчики». Под покровом ночи, они врывались в дома мирных граждан и вырезали их целыми семьями. Не жалели никого, даже стариков и детей.

Стражники Маху изловили пару «лазутчиков», допросили с пристрастием в подвалах его ведомства. Выяснилось чудовищное... «Лазутчики» оказались переодетыми в гражданские одежды пешими воинами Рамеса!

Главный начальник всех сухопутных войск, военачальник Рамес никак не участвовал в борьбе жрецов против Аменхотепа с сановниками. Он был, вроде бы, над схваткой. В стороне. Но как выяснилось, нейтральных личностей в борьбе за власть, не бывает.

Да тут еще Сирия...Несколько отрядов до зубов вооруженных сирийцев перешли границу с Египтом и двигались по главной дороге, ведущей к Фивам.

Персональный пруд молодого фараона строго охранялся вооруженными эфиопами. Любой, посягнувший на его неприкосновенность, рисковал быть строжайшим образом наказанным. Бит плетью и посажен в холодный подвал без ограничения срока. Таковым был первый Указ Аменхотепа четвертого для внутреннего употребления.

Неф, противница всех и всяческих телесных наказаний, пыталась воспротивиться и отговорить молодого фараона от подобных жестокостей. Мол, никто и не собирается посягать на его персональный пруд.

Молодой фараон был непреклонен. В этом вопросе он стоял на жестких принципиальных позициях. Неф уступила. С того дня стражники-эфиопы отгоняли любого, попытавшегося приблизиться к пруду.

Каждый день в предрассветный час Хотеп сидел с удочкой на берегу своего пруда и едва слышно шептал:

— Погодите...Скоро все увидите...Я ее поймаю, тогда посмотрим, кто из нас слабоумный!

Кого именно хотел поймать молодой фараон, какой такой диковинный экземпляр, никто не знал. Все только плечами пожимали.

Неф опять собрала «большую четверку». На этот раз пришли только трое. По неизвестной причине отсутствовал Пареннефер.

— Царица! Нужно выслать навстречу сирийцам войско! Пока еще не поздно! — говорил взволнованный Эйе.

— И конницу! — поддержал его Маху.

Неф долго молчала. Видно было, она напряженно думает.

Наконец, когда уже нельзя было дольше молчать, сказала:

— Фараон Аменхотеп считает...достаточно и десяти конников!

Эйе, Маху и Маи дружно начали кричать и размахивать руками. Но понять их было невозможно, поскольку кричали они все одновременно.

Царица Нефертити подняла вверх руку. Троица замолчала.

— Фараон Аменхотеп решил. Готовьте десять лучших конников!

Маху и Маи низко поклонились и поспешно покинули резиденцию. Эйе остался стоять, где стоял. Он, нахмурившись, смотрел на Неф.

Царица Нефертити тоже долго смотрела прямо в глаза своему наставнику. Но в ее глазах Эйе не заметил и тени растерянности.

Тогда Эйе пожал плечами и спросил:

— Что будем делать с «лазутчиками», царица?

Неф поморщилась и ответила с брезгливой гримасой на лице:

— Придется ехать на поклон к Рамесу...

Помотала головой, совсем как Эйе, и, вздохнув, добавила:

— Прежде надо навестить врача Нахта. Я поеду одна! — поспешно добавила Неф, видя, что Эйе уже собрался сопровождать ее.

Эйе кивнул головой.

В тот же вечер, (вернее, уже была глубокая ночь), Неф переступила порог дома врача Нахта. Прямо с порога спросила:

— У тебя сохранился тот противный порошок, которым ты меня усыпил, тогда...Ну, помнишь!

Неф провела пальцем вокруг своего прекрасного лица.

— Помню, лягушонок! Ты лучшее мое творение.

— Много его у тебя?

— А сколько надо?

— Перестань отвечать вопросом на вопрос! — гневно сказала Неф. И даже топнула ногой. — Это невежливо!

Другой бы испугался. И даже упал бы на колени перед царицей всего Египта. Но врач Нахт только усмехнулся.

— Тебе уже понадобился яд? — поинтересовался он.

— С чего ты взял? — изумилась Неф.

— Фараон без яда, все равно, что павлин без перьев. Давай отравим всех жрецов! — обрадовался Нахт.

Он даже потерял руки, как перед вкусным обедом.

— У тебя только одно на уме.

— Будь я фараоном, не удержался бы... Всех жрецов разом отправил бы в гости к Ассирису!

— Я никого не хочу убивать! Мне нужно другое!!!

Неф оглянулась по сторонам и понизила голос, хотя они были совсем одни в большом кабинете врача.

— Если кому-нибудь хоть слово... — тихо сказала Неф.

— Чтоб меня крокодил сожрал! — поклялся Нахт.

Неф подошла к нему вплотную и что-то долго шептала на ухо. Нахт и тут ничуть не удивился. Кажется, он вообще не умел удивляться. Он секунду подумал и кивнул головой.

Неф уже направилась к выходу, но, очевидно, вспомнив что-то очень важное, опять повернулась к Нахту.

— У меня еще одна просьба. — неуверенно сказала Неф.

— Слушаю тебя, лягушонок.

Неф вздохнула и решительно попросила:

— Разрешите дернуть тебя за бороду, Нахт?

Нахт долго молчал. Лицо его было непроницаемо.

— За что? — наконец выдавил из себя врач.

— За бороду. — уточнила Неф.

— Понимаю, что не за нос. Но за что?!

Нахт был явно возмущен, но сдерживался, хотя в уголках его глаз мелькали едва заметные искорки смеха.

Неф виновато пожала плечами.

— Очень хочется. Я тихонечко. — сказала Неф. Вздохнула и добавила. — С детства мечтала.

— Нельзя! — категорично заявил Нахт.

— Тебе жалко, да? Для меня, да?

— Нет! — уперся Нахт.

— Почему? Я царица или не царица? — возмутилась Неф.

— Это унизит мое человеческое достоинство.

— А если очень-очень хочется?

Нахт глубоко вздохнул. Потом произнес каким-то почти трагическим голосом:

— Если нельзя, но очень хочется, то можно! Валяй, пока никто не видит.

Как именно происходило сие действие, останется тайной для последующих поколений. Свидетелей не было.

Уже на следующий день навстречу отрядам сирийцев выехали несколько повозок с кувшинами, доверху налитыми самым лучшим вином. Без охраны. Сирийцы на радостях даже не стали убивать погонщиков. Всыпали по несколько плетей каждому и отпустили на все четыре стороны. Сами устроили привал.

Вино было, действительно, самым лучшим. Наверняка, из подвалов самого фараона. Целый день и еще полночи сирийцы пировали и горланили свои тупые гимны. Под утро уснули.

А когда проснулись, оказались, все до единого, без оружия и доспехов. Со связанными за спиной руками.

Оказалось, действительно, достаточно и десяти конников, чтоб проводить сирийцев до самой границы Египта.

Весь дом Рамеса был увит плющом. Спокойная, умиротворяющая обстановка. Отовсюду слышались женские голоса. У Рамеса было несколько жен, да еще он одним из первых в Фивах завел себе гарем, состоящий в основном из молоденьких пленниц.

Сам Рамес был весь какой-то, доброжелательный, спокойный.

— Вот ты какая...Не-фер-ти-ти! — улыбаясь, по складам, протянул он. — Много слышал о тебе хорошего...Хочешь фруктов? Сладостей? Бери, детка, не бойся!

Рамес даже сам взял со стола вазу и протянул ее Неф.

Неф молчала. Она давно усвоила важную и простую истину, «держи паузу!». Что бы ни случилось, держи паузу!

И Неф молчала. Смотрела на Рамеса спокойно и просто. И молчала.

И Рамес не выдержал. Он перестал улыбаться. Глаза его засветились недобрым огнем. Когда он уже отвернулся, чтоб поставить вазу обратно на стол, услышал за спиной.

— Царица Египта примет из рук доблестного воина даже чашу с ядом! Если понадобится!

Рамес резко обернулся. Все знали, и он знал, что все знали. Он никогда не был «добрестным воином».

Он вообще не участвовал ни в каких битвах. Только отдавал приказы.

— Однако-о! — протянул Рамес. — Тебе, лягушонок, палец в рот не клади! Оттяпаешь вместе с рукой, почище любого крокодила.

Неф повернулась к Эйе, стоявшему у нее за спиной. Она явно собралась уходить. Рамес сразу засуетился:

— Ну-ну! Зачем такие крайности! Мы люди мирные.

Неф резко повернулась к Рамесу, но взгляд ее был спокоен.

— Тогда усмири своих головорезов. Загони их обратно в казармы.

Рамес помолчал. Пошамкал губами.

— Это просьба?

— Приказ! — спокойно и просто сказала Неф.

— А если я откажусь его выполнять?

— Египет захлебнется кровью. Конники Эйе будут рубить твоих пеших воинов. Стражники Маху ночами будут втыкать им в спины свои ножи. Страна разделится на два лагеря. — медленно, как привычную молитву говорила Неф.

И смотрела при этом на Рамеса абсолютно спокойным взглядом.

— То-то обрадуются все наши внешние враги, когда увидят Египет слабым и беззащитным. Раздираемым междоусобной войной. Ты этого хочешь?

Неф не стала дожидаться ответа. В этом уже не было смысла. Она сделала знак Эйе и они направились к выходу.

На пороге, прощаясь, Рамес не удержался, участливо спросил:

— Как продвигаются поиски общенациональной идеи?

Неф словно ждала этого вопроса.

— По завершении... — ласково сказала она, — ...тебя известят!

Уже на улице, помогая Неф подняться в колесницу, Эйе прошептал:

— Лягушонок! Я горжусь тобой!

— Ква-а! — едва слышно, жалобно протянула Неф.

Несмотря на очевидную победу, у нее было очень скверно на душе. Будто съела кусок сырого крокодила, по выражению врача Нахта.

— Раздавить бы тебя грязной сандалией...жаба-а! — шептал Рамес, приветливо улыбаясь и кивая вслед отъезжающей колеснице уже у ворот своего тенистого сада.

— Башку бы тебе отрубить, подлый прелюбодей! — шептала Неф, трясась в колеснице за спиной Эйе. Прошептала и вдруг сама испугалась. Ей впервые пришла в голову подобная кровожадная мысль.

Как только колесница царицы отъехала от дома, из темноты вышел Главный хранитель казны Май. Встал рядом с Рамесом.

Тот, даже не взглянув на него, насмешливо протянул:

— Ты не прав, казначей. Она гораздо опаснее. Недаром украшением своего царского головного убора она выбрала кобру.

— Что делать? Уничтожить или падать ниц?

— Ни то, ни другое. — усмехнулся Рамес. — Сотрудничать!

— Я могу разорить царскую казну за неделю.

— Ты глуп, казначей. — отозвался Рамес. — Она поднимет на ноги всю страну и богатства уплывут из твоих подвалов напрямик в ее руки. А твоя голова не будет стоять и ничтожной бусинки.

Рамес повернулся и медленно, покачивая головой и чему-то усмехаясь, побрел к дому. Май догнал его у самого порога.

— Так что делать? — опять спросил хранитель казны.

— Сотрудничать! — с улыбкой ответил Рамсе. — С врагами следует сотрудничать. Она очень популярна в народе. Народ ее любит. С этим нельзя не считаться.

Рамес вздохнул, посмотрел на звездное небо и спросил:

— Ходят слухи, у нашей несравненной царицы особые отношения с нашим доблестным начальником конницы? Что говорят в народе?

— Разное. — насторожился Май.

Рамес еще раз глубоко вздохнул, внимательно оглядел темное звездное небо, словно надеялся разглядеть на нем что-то еще, кроме звезд, и сказал задумчиво:

— Жизнь прожить, не Нил переплыть! Так-то, казначей!

Рамес повернулся и скрылся за занавесками своего дома.

Главный хранитель печати и казны Май еще долго стоял в саду и напряженно ждал, но Рамес больше не

появился. Из его дома доносилась тихая музыка и веселый женский смех.

Маи со злостью плюнул и скрылся в темноте.

Хотеп сидел на балконе своей спальни, прихлебывал вино из кувшинчика и смотрел на большой, равнодушный, ночной город.

С высоты балкона Фивы были как на ладони.

Бесшумно в спальне появилась Неф. Она долго стояла на пороге и смотрела в спину своего молодого супруга. Хотеп, почувствовав на себе ее взгляд, резко обернулся, вздрогнул, но ничего не сказал. Еще раз, как-то демонстративно, отхлебнул из кувшинчика.

Неф медленно подошла и присела рядом на скамейку.

— Ты слишком много и часто пьешь. — грустно сказала она.

— Когда выпьешь, все вокруг уже не так омерзительно. И я сам уже не кажусь себе таким...омерзительным.

— Ты вовсе не такой.

— Слабоумный фараон-чик! — с тоской сказал Хотеп. — Игрушка, которой управляют все, кому не лень.

— Всеми нами кто-нибудь управляет.

— Только не тобой! — резко ответил Хотеп. — Моего слабоумия хватает, чтобы понять...Понять свое место!

Хотеп с силой ударил себя кулаком по колену.

— Кто может так сказать, уже не глуп! — возразила Неф.

Хотеп не ответил, опять отхлебнул из кувшинчика.

— Тебе надо много читать...Я распоряжусь.

— Не смей со мной разговаривать, как с рабом! Я не раб! Да, я слабоумный! Не моя вина, что я родился таким. Но я не раб!

Кувшинчик выпал из рук Хотепа, упал на пол и разбился. Неф хотела было нагнуться, но Хотеп отпихнул его ногой. Только тут Неф заметила, что руки и ноги у него трясутся мелкой дрожью.

— Помоги мне! — резко сказал Хотеп. — Дойти до кровати.

Неф закинула его руку себе через плечо и, крепко держа за талию, осторожно отвела к постели, уложила. Присела рядом.

— Зачем ты вышла за меня? За такого...Хотела стать царицей всего Египта? Теперь довольна?

Неф ничего не ответила. Едва заметно, горько усмехнулась.

— Хочешь, я почитаю тебе вслух?

Неф, сидя на краешке кровати, слегка покачалась из стороны в сторону и начала тихим, чуть грустным тоном:

«Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца.
Причитания никого не спасают от могилы,
А потому празднуй прекрасный день.
И не изнуряй себя...»

7

На Фивы снизошло умиротворение. Исчезли «лазутчики», будто их ветром сдуло. В торговых рядах

опять закипела бойкая жизнь. По Нилу заскользили легкие, прогулочные лодки...

Жители столицы постепенно смирились даже с закрытием девяти храмов. Выяснилось, такому небольшому городу, как Фивы, вполне хватает и одного.

Единственное, что вызывало их беспокойство, даже тревогу, так это скульптуры, поставленные Тутмесом и его помощниками в огромных количествах возле всех общественных зданий города. Сутулый, худенький фараон, с отвислой нижней губой, и его молоденькая красавица жена, смущали всех своей реалистичностью.

Крикла покинула Фивы незаметно, под покровом ночи. Забрала детей, уложила нехитрые пожитки в повозку и сама взяла в руки вожжи. Только ее и видели. Ни служанок, ни охраны с собой не взяла. Куда направилась, никто не знал.

Наутро одна из служанок доложила сгорающим от возбуждения подругам, якобы, провожал Криклу один Эйе. Он стоял возле повозки, удерживая лошадей, нервно кусал губы и по щекам его катились слезы величиной со спелое яблоко. Что было наглой ложью. Эйе никогда не кусал губы, не имел такой вредной привычки, и уж тем более не мог плакать. Он был воин. А подлинным воинам не пристало выказывать свои чувства. Но служанкам очень хотелось, чтоб он непременно рыдал горячими слезами и просил у Криклы прощения.

Ничего такого не было и в помине. Прощание было коротким.

Уже держа в руках вожжи, Крикла посмотрела на Эйе сверху вниз и, усмехнувшись, сказала:

— Прощай! Ярый противник многоженства. Боги тебе судьи.

Эйе не смотрел ей в глаза. Хмурился, морщился и смотрел куда-то в сторону, хотя вокруг стояла беспросветная темень и разглядеть что-либо было просто невозможно.

Крикла дернула поводьями и повозка скрылась в темноте.

Все служанки сошлись на том, что Крикла очень сильная женщина. А Эйе просто дурак. Как впрочем и все остальные мужики.

Потом поговорили о том, что в Египте с приходом нового фараона ничего хорошего не наблюдается. Никакого прогресса. Да и откуда ему взяться, прогрессу-то, если у власти одно мужичье. Вот если бы вернули матриархат, тогда можно было бы на что-то надеяться. А так...

Перед рассветом на Фивы опять налетел ужасающий смерч. Не такой, как в день свадьбы молодого фараона, не теплый южный, а холодный северный. Множество крыш снес он с убогих хижин в пригородах города, покалечил множество плодовых деревьев в садах и парках. Некоторые вырвал с корнем и зашвырнул на самую середину Нила.

Говорили, он закрутил в своем яростном водовороте несколько нерасторопных куриц и даже, якобы, одного молодого теленка поднял в воздух и унес неведомо куда.

Наутро горожане вздыхали и усердно взывали к Богам, чтоб те смилостивились и больше не посылали

на них своих проклятий в виде северного смерча. Им и так несладко. В стране назревают «реформы», а всем известно, в период реформ простым людям выжить нелегко.

Старожилы Фив, седобородые старцы, опять заявили, они не помнят такого гневного смерча. Чем вызвали большое раздражение и недовольство среди остального просвещенного населения. Дескать, пора бы уж хоть что-то помнить. А если мозги плохо работают, их надо тренировать. Побольше есть сушеных абрикосов, они очень способствуют мозговой деятельности и улучшают память.

Седобородые старцы обиделись и надолго замолчали.

Последнее совещание «большой четверки» в Фивах Неф начала неожиданно для всех. Она заявила:

— Пока начальник стражи Маху выясняет с очередными рабами, кто должен толкать его колесницу из очередной канавы...

Пареннефер, Маи и Эйе громко засмеялись. В это мгновение в зал влетел, как всегда, запыхавшийся Маху.

— Я почему опоздал... — начал он, утирая со лба пот.

Ответом ему был громкий смех. Для любого дела хорошее начало, когда трое здоровых мужчин весело смеются.

Среди трех мощных мужских голосов выделялся высокий, как колокольчик, один девичий.

Отсмеявшись, Неф сказала:

— Нам предстоят большие важные дела...

Она хлопнула в ладоши. Мгновенно появилась стайка писцов. Они опустили на пол и склонились над своими маленькими скамеечками, с папирусами и палочками в руках.

Неф смотрела куда-то вдаль, поверх голов сидящих сановников.

— Фараон Аменхотеп возвещает...в явлении нового Бога...по имени Атон! Новый Бог солнца Атон...властитель всего живого в Египте и его окрестностях...Богу Солнца Атону подчиняются все остальные Боги...Бог Солнца Атон справедлив и всемогущ...Для Бога Атона все равны...Фараон, являясь сыном Бога Солнца Атона...принимает новое имя!.. Отныне он...фараон...Эхнатон!

В зале стояла мертвая тишина. Было слышно только как скрипят палочки под пальцами писцов. Да усердное их дыхание.

Неф по-прежнему смотрела куда-то вдаль. Говорила спокойным, ровным голосом. В нем не было и тени сомнения или неуверенности.

— Фараон Эхнатон возвещает...о начале строительства новой столицы Египта...В двух днях пути...вниз по течению Нила...

— Фараон Эхнатон повелевает начать строительство немедленно...

Неф слегка встряхнулась. Она словно вернулась откуда-то очень издалека. Обвела взглядом сидящих перед ней, притихших мужчин.

— Прошу всех отдать необходимые распоряжения!

Никто из сановников не двинулся с места. Тогда Неф довольно будничным тоном произнесла фразу, которую потом будут назидательно втолковывать друг другу египтяне. Она сказала, пожав плечами:

— В старые мехи нельзя влить молодое свежее вино. Оно скиснет!

Как только остались вдвоем, Эйе в восторге поднял Неф на руки, так что ее лицо оказалось вровень с его лицом.

— Поставь меня, пожалуйста, на место... — тихо попросила она.

Эйе, продолжая улыбаться, отрицательно помотал головой.

— Тогда...закрой глаза! — едва слышно попросила Неф.

Эйе послушно зажмурил глаза. Неф обвила его голову руками и осторожно, нежно поцеловала прямо в губы...

...пройдут годы, десятилетия. Уйдут из жизни Аменхотеп и Нефертити. Эйе сам на короткое время станет правителем Египта. Будет участвовать в нескольких войнах, получит множество ранений, похоронит свою красавицу жену Криклу, возведет на трон мальчика Тутанхамона. Уйдет на покой и поселится в горах, в маленьком доме с одним слугой...но, до самого смерти, до самого последнего вздоха он будет помнить этот поцелуй...полу женщины полу ребенка...

— Поставь меня на место!

Наконец донеслось до его ушей, дошло до сознания.

Эйе открыл глаза и увидел прямо перед своим лицом, лицо яростно шипящей от гнева Неф...

— Я взрослая, замужняя женщина...Отпусти! — шипела она. — Сюда могут войти!

Эйе медленно, с превеликой осторожностью поставил ее на пол. Отошел чуть в сторону, отвернулся.

— Я жду ребенка!

Услышал он за своей спиной.

— Что!?! — вскричал Эйе, резко повернувшись.

Неф, улыбаясь, пожала плечами.

— У фараона будет наследник. Или наследница. Нахт утверждает, будет девочка...

Царице Нефертити было четырнадцать с половиной лет.

Ранним утром, держа под руку Хотепа, Неф появилась на причале. Средних размеров судно было приспособлено не только под весла, но и снабжено парусом. Хотеп, не любивший воды и боявшийся любой, даже незначительной качки, тут же скрылся в каюте и приказал опустить на окнах занавески.

Неф и не думала скрываться в каюте. Она поднялась на верхнюю палубу...Волны упругого речного ветра били в лицо, развевали волосы и в ее душе возникло то самое ощущение полета, которое она испытывала только в далеком детстве. Во сне.

В двухстах километрах от Фив, вниз по течению Нила, есть одно поразительное место. Здесь горы, вплотную подойдя к реке, и, образуя почти правильный

полукруг, снова приближаются к воде. Кажется, сама природа оградила этот участок от окружающего мира.

Пройдет всего полтора года и на этом месте возникнет Белый город. Вдоль белоснежных набережных заскользят по воде легкие лодки. В центре возникнут храмы Атона, дворцы и дома знати. Основные магистрали стрелами расчертят параллельно Нилу весь город. Цветущие сады и бесчисленные пруды заполнят его.

Множество скульпторов, строителей, живописцев и чернорабочих будут сутками, не покладая рук, возводить дворцы, склады, жилища и мастерские для многочисленных ремесленников.

Качающегося из стороны в сторону Пареннефера будут видеть одновременно на разных объектах, в совершенно противоположных концах стоящегося города, отдающего приказание каждому встречному и поперечному. Так же как и коротышку Маху, бесконечно выясняющего отношения сразу с несколькими группами рабов. Порой будет возникать ощущение, у многих сновников объявились двойники.

Исключение будут составлять только Неф и Эйе. Каждое утро, взявшись за руки, они будут медленно прогуливаться по берегу Нила и наблюдать как на их глазах хаос и неразбериха строительства постепенно обретают законченные черты прекрасного города.

И всего через полтора года возникнет Белый город, равного которому не будет во всем Средиземноморье.

Фараон Эхнатон и царица Нефертити правили Египтом пятнадцать лет. За все время их царствования не

было ни одной крупной войны. Расцвели ремесла и искусства, наука и образование.

Нефертити родила фараону шестерых дочерей. Эхнатон увлекался поэзией и даже сам писал неплохие стихи.

Они умерли в один день от неизвестной и неизлечимой болезни.

Фараон Эхнатон остался в памяти человечества, как первый правитель реформатор-пацифист. Его жена, царица Нефертити, как самая красивая женщина Древнего мира.

Фараон Эхнатон и царица Нефертити правили Египтом с 1375 по 1360 годы до нашей эры.

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!